

Глава III

Как закончить Революцию?

1. Вопрос о конституции в повестке дня

К началу 1795 года перед термидорианцами по-прежнему стоял вопрос, метко обозначенный Б. Бачко: «Как выйти из террора?»¹. Однако все громче заявляла о себе и другая, более широкая проблема: «Как закончить революцию?». «Надо закончить революцию, чьи принципы были похвальны и хороши, чьи цели имели размах, течение которой было безумно и порочно, а события жестоки», – писал в эти дни бывший депутат Генеральных штатов, известный публицист П.С. Дюпон де Немур².

Закончить Революцию... Термидорианцы были далеко не первыми, кто пытался это сделать. Депутаты предыдущих Ассамблей, жирондисты и даже, как полагают некоторые историки³, якобинцы надеялись, что проводимая ими политика приведет к завершению Революции. И тем не менее к началу 1795 года, все еще действовало временное революционное правительство, террористическая машина продолжала работать, и решать, что делать дальше, теперь приходилось термидорианцам.

Необходимость предпринять новую попытку закончить Революцию, была очевидна⁴ не только для политической элиты. «После

¹ «Как выйти из террора?... Это вопрос, который встречается после китайской культурной революции, смерти Сталина или Франко, в первый раз был поставлен в истории прекрасным летним днем 1794 года, который теперь называют 9 термидора». *Baecque A. de, Well N. L'arrosoir thermidorien. Entretien avec Bronislaw Baczko // Le monde de la Révolution française. 1989. № 6. P. 26.*

² *Dupont de Nemours P.S. Du pouvoir législatif et du pouvoir exécutif, convenables à la République française. P., III. P. 123.*

³ См., например: *Brunel F. Thermidor. P. 46, 64.*

⁴ Я отнюдь не имею в виду, что у этой идеи не было противников. Так, например, Бабеф писал даже после принятия Конституции III года: «Про-

шести лет революции, начатой философией, а затем поддерживаемой террором и самыми чудовищными преступлениями, пришло время вернуть французскому народу мир и спокойствие, которые он заслужил своими бесчисленными жертвами»¹, – призывал один из современников. Однако было ясно, что для этого отнюдь не достаточно, как писал П.Л. Редерер в статье «Об истинных способах закончить революцию», «объявить революцию оконченной, принять декрет, что она заканчивается тогда-то тогда-то, в такой-то день». Необходим «гражданский мир»², а один из немногих способов дать такой мир – мудрая конституция, одобренная народом. И если это будет не старая Конституция 1793 года, а новая, то все равно «надо сделать все, чтобы эта конституция стала последней»³. Одним словом, как отмечал в жерминале депутат Конвента Ж.П. Одуэн: «Правительства! Правительства! вот крик, который слышен повсюду»⁴.

По памфлетам того времени хорошо чувствовалось, что от конституции ожидают не только гражданского мира, но и долгожданной стабильности. Как писал популярный памфлетист А. де Лезей-Марнезия, «возьмите тексты законов: вы увидите там права собственности сначала торжественно признаваемыми, вскоре после этого торжественно нарушенные декретом о максимуме, а в конце концов и сам декрет отмененным... Сначала закон разрешает все культы, вскоре он же их все и запрещает: из римлянина, которым

должать революцию – [...] это значит замышлять против негодного порядка вещей; это значит стремиться к разрушению такого порядка и к замене его новым, лучшим. И поскольку то, что никуда не годно, еще не разрушено, а то, что представляло бы ценность, еще не утверждено, я ни за что не признаю, что пора кончать революцию. По крайней мере, я ни за что не признаю, что пора кончать революцию в интересах народа». *Бабеф Грахс*. Указ. соч. Т. 4. С. 44.

¹ A.N., С 228, d.183 bis * 4/1. Дос. 28. Р. 15. Эти мысли были достаточно распространены. Ср., например, в газете департамента Кот-д'Ор (брюмер IV года): «Все мы устали от революции и желаем лишь отдыха, купленного шестью годами жертв и терпения, бедствий и славы». (Цит по: *Reinhard M. La France du Directoire*. Р., 1956. Vol. 1. Р. 10.)

² *Journal de Paris*. 1795. Vol. 3. Р. 91.

³ *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 2. N.16. 19.IX.95. Р. 514.

⁴ *Audouin P.J.* Quelques idées sur une partie de ce qu'il y a à faire et à éviter dans l'organisation de la Constitution. Р., III. Р. 1-2.

был француз, он последовательно становится кальвинистом, атеистом, идолопоклонником и теистом»¹.

Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и то, что разработка новой конституции считалась изначальной и самой главной миссией Конвента. Ведь вступление в силу конституции означало для современников отказ от системы революционного правления и переход к конституционному. Иными словами, именно окончание Революции.

Так, например, доклад, произнесенный в Конвенте Боденом из Арденн 1 фрюктидора (18 августа 1795 года) от имени Комиссии одиннадцати носил характерное название: «О способах закончить революцию». Боден отмечал, что разные люди считали Революцию законченной в разные периоды: 14 июля 1789 года, 6 октября того же года, 4 февраля 1790 года, 14 сентября 1791 года, 10 августа 1792 года, 2 июня 1793 года. «После стольких бесплодных усилий остановить революцию, не дерзость ли предпринимать это сегодня? Нет. [...] Необходимо доказать народу-суверену, что вы хотите любой ценой закончить революцию, и что, если она будет продолжаться, это будет против ваших усилий»². За скорейшее окончание Революции выступали практически все депутаты, бравшие слово в дискуссии о новой конституции³.

Однако это будет немного позднее, а теперь, когда видна главная задача, которую ставил перед собой термидорианский Конвент, рассмотрим как она поэтапно решалась.

Вопрос, что делать с конституцией, встал уже вскоре после термидорианского переворота. Как известно, Конституция 1793 года была одобрена всенародным голосованием, но не вводилась в действие «до заключения мира»⁴. Однако с начала 1795 года на эту проблему уже нельзя было закрывать глаза, она постоянно всплывала в речах депутатов: большинство понимало необходимость

¹ *Lezay-Marnezia A. de*. Qu'est-ce que la constitution de 93? Constitution de Massachusett. P., III. P. 32.

² *Baudin P.-C.-L.* Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze, par P.C.L.Baudin, député par le département des Ardennes, dans la séance du 1er Fructidor. P., fructidor, an III (далее - Rapport fait à la Convention Nationale au nom de la commission des onze). P., III. P. 2 et suiv.

³ *Moniteur*. № 337. P. 1355-1358.

⁴ Документы истории Великой французской революции. Т. 1. С. 238.

положить конец тому временному состоянию, в котором находилось управление страной¹.

Поначалу проблема была поставлена следующим образом: как ввести Конституцию в действие. Трудно сказать наверняка, были ли у депутатов уже тогда мысли о ее пересмотре. Ларевельер-Лепо однозначно в этом уверен, однако его свидетельство вызывает серьезные сомнения, особенно при том, что в своих мемуарах он выдвигает два несколько противоречивых тезиса: с одной стороны, утверждает, что известие о пересмотре конституции могло вызвать народное восстание (что представляется мне вполне возможным), с другой, – отмечает, что восстания 12 жерминаля (1 апреля) и 1 прериала (20 мая) были вызваны просочившимися сведениями о работе Комиссии Одиннадцати². Однако, как мы увидим, она была создана лишь после доклада Камбасереса 29 жерминаля (18 апреля).

Факты же таковы: еще 24 брюмера III года (14 ноября 1794 года) Барер и Одуэн предлагали создать комиссию для выработки органических законов (то есть законов, дополняющих старую Конституцию и позволяющих ввести ее в действие в изменившихся условиях). Это предложение, равно как и предложение Фрерона³ 11 вантоза (1 марта 1795 года), было отвергнуто⁴.

18 вантоза (8 марта) во время дебатов о реинтеграции жирондистов, тот же вопрос поднимает Сийес⁵. Затем 29 вантоза (19 марта) Л. Лекуантр (*Lecoindre*) говорит о необходимости создать, наконец, демократическое правительство и ввести в действие Конституцию. В ответ ему аплодируют. «Конституция 1793 года, – говорит он, – не принадлежит нам, это собственность народа»⁶.

1 жерминаля (21 марта) тему продолжает оратор одной из секций. Обращаясь к депутатам, он призывает: «Вы имеете в своих

¹ Большинство, но не все, если верить свидетельству Ларевельера-Лепо. *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1 P. 227.

² *Ibidem.* P. 227.

³ Немного позднее тот же самый Фрерон назовет Конституцию, которую столь упорно пытался ввести в действие, «кодексом Анархии». *Fréron L.M.S.* Op. cit. P. 17.

⁴ *Les Constitutions de la France depuis 1789.* P., 1970. P. 94.

⁵ *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur. P. 310.

⁶ *Moniteur.* № 182. P. 743.

руках наиболее эффективные способы положить конец политической буре, игрушкой которой мы, к сожалению, стали. Введите в действие, организуйте, начиная с сегодняшнего дня, народную Конституцию 1793 года; французский народ ее принял, готов ее защищать; она – его гарантия и ужас его врагов». Когда оратора поддерживает один из депутатов, в бой бросается Тальен, утверждающий, что в народе сейчас нет единства по вопросу о том, какой именно конституции следует придерживаться¹. Однако после предложения Майля пока суд да дело выбить текст Конституции 1793 года на мраморных досках и установить их в общественных местах, Тибодо приходится вмешаться и объяснить, насколько опасно выставлять недействующую конституцию, особенно учитывая, что ее текст большинству народа не знаком². По его мнению, Конституция недемократична и ее необходимо дополнить органическими законами³.

Недемократичность Конституции 1793 года ярко обосновывал в своей работе «Размышления об основах конституции» бывший депутат Законодательного собрания монархист В.М.В. Воблан. Конституция 1793 года, отмечает он, отнюдь не демократическая, так как она не предусматривала демократической республики. «В демократической республике народ в полном составе обсуждает законы, решает, быть миру или войне, в определенных случаях судит. Это физически невозможно во Франции. Пусть же, наконец, прекратят

¹ Небезынтересно писал о народе примерно в это же время Ж.Г. Пелтье: «Народ – самый жестокий враг Конвента», «бедный народ-суверен слишком хорошо научился убивать богатый народ-суверен; а теперь восторжествовала умеренность». В качестве же базиса, на котором зиждется его суверенитет, он держится за Конституцию 1793 года. *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 1. 6.VI.95. P. 21-23.

² Ср.: «Многие термидорианцы считали даже, что с политической точки зрения будет хорошо объявить ее вступившей в силу и провести выборы, пока власть в их руках. Первым, кто осмелился поставить конституцию 1793 года под сомнение был Тибодо». *Barante A.-G.-P.* Op. cit. Vol. 5. P. 343.

³ *Moniteur*. № 184. P. 751-752. Ср. у Б. Бачко: «Лишь к зиме и весне III года, она (Конституция 1793 – Д.Б.) стала непреодолимым препятствием для демонтажа системы Террора и определения политики после Террора». *Baczko B.* Thermidoriens. P. 432.

говорить то, чего нет, не может быть, не должно быть; пусть не говорят, что у нас демократическая конституция»¹.

Но тема не исчерпана, и стоит Сийесу 4 жерминаля (24 марта) по совершенно иному поводу лишь упомянуть слово «конституция», как вновь разгорается дискуссия. И когда несколько депутатов пытаются высказаться в ее поддержку, их обрывает сразу множество голосов: «Вопрос о конституции не стоит, никто на нее не нападает». В том же духе выступает и сам Сийес: «Если спросят мое мнение о конституции, я скажу, что она принималась не в этом зале, а на народных собраниях, она уважаема и не может подвергаться нападкам»². О необходимости конституции говорят и 5 жерминаля³. Одним словом, депутатам было очевидно, что какая-то конституция стране нужна. В то же время, хотя уже раздавались отдельные голоса против конституции монтаньяров, апелляция к тому, что ее утверждал весь народ, пока еще удерживала критиков.

В это время нажим со стороны секций был столь силен, что 8 жерминаля (28 марта) Мерлен из Дуэ предложил немедленно ввести конституцию в действие и назначить срок созыва первичных собраний на 1 флореаля (20 апреля)⁴. Через два дня группа депутатов, по-прежнему называя Конституцию 1793 года «демократической», настаивает на назначении конкретного дня (голосование назначается на 12 жерминаля (1 апреля)), когда Конвент должен сформировать комиссию по выработке органических законов, которыми эта конституция будет сопровождаться⁵.

Во время первого при Термидоре (и одного из последних в эпоху Революции) крупного народного восстания, 11 и 12 жерминаля (31 марта и 1 апреля), за дело берутся уже сами секции. Под напором ворвавшихся в зал заседаний людей с надписями на колпаках: «Хлеба и конституции 1793 года», А.К. Мерлен (из Тионвиля) предлагает депутатам заявить, что «никто более вас не хочет

¹ Цит по: *Peltier J.G.* Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 413-414.

² *Moniteur.* № 188. P. 765-766.

³ *Moniteur.* № 189. P. 770.

⁴ *Merlin P.A. (de Douai).* Projet de décret, présenté par Ph. Ant. Merlin (de Douai) à la séance du 8 germinal de l'an troisième. P., III.

⁵ *Moniteur.* № 193. P. 786.

конституции 1793 года», и его предложение поддерживается радостными криками¹.

«Политический кризис в конце жерминаля, – комментирует эти события Собуль, – столкнул термидорианское большинство Конвента с Вершиной, монтаньярским меньшинством, окрепшим вследствие самого развития реакции». При этом одним из непримиримых противоречий между ними была Конституция 1793 года, которую Фрерон изображал как «плод трудов нескольких злодеев». Если термидорианское большинство собиралось теперь дополнить ее органическими законами, то Вершиной она, напротив, рассматривалась как «палладий» французского народа².

14 жерминаля (3 апреля) после создания комиссии по разработке органических законов (так называемой Комиссии семи, в которую вошли Сийес, Мерлен из Дуэ, Тибодо, Ж.Б.Ш. Матье (*Mathieu*), Д.Т. Лесаж, Ж.А. Крезе-Латуш и Камбасерес), Сийес неожиданно выступает с речью, в которой вновь говорит о неизбежности конституции, что вызывает немалое удивление. До сих пор не совсем понятно, что именно подвигло его на это выступление: желание понравится народу или то, что он, как юрист, искренне так считал³.

Однако у него хватало и оппонентов. Один из них, Ж. Пеле (*Pelet*), выступая 19 жерминаля (8 апреля) с большой речью о политическом положении страны, предлагал немедленно заслушать недавно избранную Комиссию семи, постатейно критиковал старую конституцию и говорил нечто совсем уж крамольное: «Не забудьте, что авторы конституции 93 года хотели увековечить власть в своих руках, и мы чувствуем, с какой тщательностью должны исследовать их творение». При этом особое внимание обращалось, например, на ст. 34, предусматривающую право на восстание. Его вывод: Конституции 1793 года срочно нужны дополняющие ее органические законы.

«Без сомнения, вы не считаете, – продолжал Пеле, адресуясь к Конвенту, – что авторы Конституции 1793 года имели привилегию

¹ *Moniteur*. № 194. P. 791.

² *Собуль А.* Указ. соч. С.182.

³ *Bredin J.D.* *Sieyès. La clé de la Révolution française.* P., 1988. P. 358.

на непогрешимость; вы не считаете, что анализ и размышления не могут ее подправить с пользой для всеобщего блага». Он предлагал уже 1 прериаля (20 мая) созвать первичные собрания, которые избрали бы выборщиков. А перед теми, в свою очередь, необходимо, среди других, поставить и такой вопрос: «Нужно ли обновлять Национальный конвент на треть, на четверть или целиком каждый год?», а также два других – о целесообразности сохранения дистриктов и муниципалитетов (кроме центральных в кантоне)¹.

Таким образом, Конвенту практически предлагалось с ходу приступить к реформе местной администрации, одновременно признав свое бессилие выработать конституцию без притока свежей крови. Неслучайно в меморандуме, подготовленном для английского правительства по материалам докладов дипломатических агентов, на речь Пеле было обращено особое внимание. «Мы можем видеть близящееся падение республики», – гласил комментарий².

Однако для того, чтобы поставить под сомнение Конституцию 1793 года было еще слишком рано, и Ж.Б. Клозель (*Clauzel*) возмущенно бросает реплику из зала: «Я требую, чтобы оратор был призван к порядку; он высказывает мнения, результатом которых может стать изменение конституции». На что Пеле вполне законно выдвигает свои аргументы: «Вы же не подвергаете сомнению, что французский народ имеет право пересмотреть свою конституцию?» На этот раз сторонники пересмотра побеждают, поскольку, когда Ж.Э. Бар (*Bar*) утверждает, что тогда и инициатива пересмотра должна исходить от народа, в ответ ему несутся голоса: «Мы еще не перестали быть Национальным конвентом»³.

¹ *Pelet J. Opinion sur la situation extérieure et intérieure de la France, avec quelques observations sur la constitution de 1793. P., III. P. 9 et suiv.*

² *Historical Manuscripts commission. Vol. III. P. 80.*

³ *Moniteur. № 202. P. 823-824.* Месяцем позднее генерал Дюмурье напишет, что Конвент «крутился вокруг конституции 1793 года, как будто считал возможным положить ее в основу разумного управления. Тем временем адреса из департаментов и от секций Парижа, газеты, наконец, все трубы общественного мнения возвестили ему, что эта конституция – творение и опора тирании» (*Dumouriez Ch.F. Lettre du Général Dumouriez au Traducteur de l'histoire de sa vie pour servir de suite au Coup d'œil politique sur l'avenir de la France. Hambourg, 1795. P. 148-149*). И в самом деле, Конвент еще даже в

Здесь кажется уместной короткая ремарка. Как справедливо отмечал Б. Бачко, «отсрочить вступление конституции в силу после ее одобрения народом и, в то же самое время, расширить власть Конвента и провозгласить его несменяемым, было актами весьма сомнительной законности. В этом случае мы можем ставить вопросы о законности и других действий Конвента, в том числе провозглашения правительства “революционным до наступления мира”»¹. Иными словами, ведя разговоры о законности или незаконности пересмотра конституции, депутаты должны были отдавать себе отчет в том, что незаконным был уже сам отказ ввести Конституцию 1793 года в действие².

Помимо этого, формулировка «органические законы» была изящной, но мало что говорившей игрой слов. Не случайно популярный журналист Ж.Ж. Ленуар-Ларош отмечал: «Много говорят об органических законах к конституции. Сознаюсь, что не могу составить четкого представления о том, что понимается под этими словами. Мне кажется, что конституция должна сама в себе находить правила собственной организации, или же она не завершена. Что это за конституция, которой для существования требуется инородное ей приложение?»³. При этом заявления депутатов о том, что «цель органических законов – не изменять, не смягчать республиканскую конституцию, а обеспечить ее успех и долговечность», дать телу

флореале толком не определился, как надо реагировать на предложения пересмотреть Конституцию. Есть свидетельство современника о том, что тех, кто требовал Конституции 1793 года, в флореале обвинили в роялизме (*Vasselín G.V. Mémoires Révolutionnaire de la Convention*. P., 1797. Vol. 4. P. 189). В то же самое время появилась работа некоего Экеля, бывшего профессора истории, озаглавленная: «Необходимость Органических законов, или Конституция 1793 года, уличенная в якобинизме». *Peltier J.G. Op. cit. Vol. 1. № 7. 18.VII.95. P. 424.*

¹ *Baczko B. The Terror before the Terror? // The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture. Oxford, 1994. Vol. 4. The Terror. P. 28-29.*

² Об этом писали и в Комиссию одиннадцати. Так, например, один из ее корреспондентов напоминает, что само революционное правительство – это уже покушение на народный суверенитет, поскольку его ввели, не посоветовавшись с первичными собраниями. А.Н., С 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 27.

³ *Lenoir-Laroche J.J. De l'esprit de la Constitution qui convient à la France, et examen de celle de 1793. P., III. P. 7.*

душу¹, мало что могли прояснить. Ясно было только то, что скорее всего органические законы также будут выноситься на референдум².

23 жерминаля (12 апреля) разговор о конституции возобновляется. Характерно, что оба наиболее активных оратора – Мерлен из Дуэ и М.Ф. Бонгио (*Bonguiot*) – и на этот раз не ставили Конституцию 1793 года под сомнение. Как подчеркивал Мерлен, «речь отнюдь не идет о конституции, она сделана, и мы оживим ее, дадим ей жизнь и движение». Однако вновь упоминаются органические законы и первичные собрания³.

Меньше чем через неделю, 29 жерминаля (18 апреля) Комиссия семи наконец-то оказывается готова представить свой доклад Конвенту. Однако Камбасерес в своем выступлении от ее имени, как это ни удивительно, «вовсе не предлагал изменения Конституции. В его лице комиссия как бы признала свое бессилие или свою робость и требовала, чтобы возложенная на нее работа была передана в другие руки»⁴. И в самом деле: выступление Камбасереса не может не поражать. Оно содержало широкий план разработки органических законов, касающийся едва ли не всех сфер управления. При этом депутат постоянно делал вид, что его комиссии поручили лишь изучить предмет, а разрабатывать сами законы должна какая-то совершенно иная комиссия, которой и адресованы все рекомендации. В качестве базы для них использовалась все та же Конституция 1793 года. Так, например, Камбасерес специально подчеркивал опасность принятия Законодательным корпусом актов, не утвержденных народом⁵.

¹ *Thieriet C.* Coup d'oeil sur les lois organiques à former par la Convention nationale, pour mettre en activité la constitution de 1793. P., III. P. 1.

² См., например: «И конституция, даже пересмотренная, и органические законы должны исполняться лишь после одобрения народом». *Baudin P.-C.-L.* Anecdotes et réflexions générales sur la constitution. P., III. P. 23-24.

³ *Merlin P.A. (de Douai).* Discours et projet de déclaration des principes essentiels de l'ordre social et de la République française. P., III; *Bonguiot M.* Motion d'ordre sur l'organisation de la Constitution républicaine. P., III.

⁴ *Олар А.* Указ. соч. С. 372.

⁵ *Cambacérés J.J.R.* Rapport sur le mode de préparer les lois organiques de la Constitution, et sur les moyens de la mettre partiellement et successivement en activité. P., III.

С логической точки зрения выступление более, чем странное: предложить создать комиссию, чтобы сделать то, для чего одна комиссия уже была создана. Обходится этот момент и в недавно опубликованных мемуарах Камбасереса: там лишь говорится, что «задача была не простой, а умы – трудноуправляемыми», что заставило его, в попытке примирить разногласия, ограничиться собственными размышлениями¹. Не исключено, что был прав Ларевельер-Лепо, считавший, будто Камбасерес, во-первых, не хотел ссориться с Сент-Антуанским предместьем, во-вторых, был уверен, что всякое промедление благоприятствует планам реставрации монархии, а в-третьих, в принципе не желал быть втянутым в столь щекотливое дело, для чего и предложил, чтобы члены будущей комиссии не могли совмещать несколько должностей, что благополучно позволило ему и Сийесу предпочесть работу в Комитете общественного спасения².

Так или иначе, после его доклада Конвент назначает новую комиссию из одиннадцати человек для подготовки все тех же органических законов. Хотела ли она на самом деле удовлетвориться принятием поправок к уже существующему тексту?³ Вопрос остается открытым. Ларевельер-Лепо и Тибодо утверждают в своих мемуарах, что с первых же дней и практически единогласно было решено подготовить совершенно новый основной закон страны⁴. Их свидетельства были бы более чем вескими, если бы они не были сделаны много позже описываемых событий.

¹ *Cambacérès J.J.R. Mémoires inédits. P., 1999. Vol. 1. P. 317, 318.*

² *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 228.* Замечу, впрочем, что в докладе Камбасереса запрет на совмещение должностей изначально не предусматривался, он выступил с этим предложением несколько позже, пояснив в мемуарах, что не только хотел сосредоточиться на работе в Комитете общественного спасения, но, прежде всего, ему был не близок дух разногласий, царивший в Комиссии одиннадцати. *Cambacérès J.J.R. Op. cit. P. 320-321.*

³ «Уничтожение закона, данного народу, – отметит позднее Буонарроти, – совершено той самой комиссией, которой было лицемерно получено озаботиться о его выполнении». *Буонарроти Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 122.*

⁴ *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 229; Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 179.*

К тому же официальные ораторы Комиссии, как, скажем, Дону в флореале, отмечали, что она старается «выполнить задачу, которую вы перед ней поставили, с минимально возможными изменениями того, что существует сегодня». Не случайно первые проекты, представленные Комиссией Конвенту, касались, практически, только реформы Комитета общественного спасения¹. В ответ, чувствуя нерешительность Комиссии, депутаты стали ее торопить. Так, например, Фрерон предлагал, чтобы она представила окончательные результаты своей работы через два месяца – «и никакой иной отсрочки»². В то же время куда более реалистичный Ланжюине был уверен, что раньше чем через четыре месяца Комиссия свой труд не закончит³.

Подобная ситуация позволяет ряду историков оспаривать изначальное наличие планов составить принципиально новую конституцию – они либо называют другие даты, когда возникла эта идея⁴, либо считают, что в таком случае восставшие в прериале обязательно выступили бы против Комиссии⁵. Аргумент представляется мне достаточно весомым, особенно если вспомнить, что в восстании активно участвовали и некоторые депутаты Конвента, которые вполне могли быть осведомлены о происходивших в Комиссии дискуссиях.

С другой стороны, ничто не мешает прийти и к ровно обратным выводам: решив разработать новый текст, Комиссия оказалась вынуждена затратить намного больше времени, чем планировалось раньше, большинство восставших едва ли знали о том, что творилось в комитетах Конвента, да и вопрос о конституции в прериальские

¹ *Daunou P.C.F.* Rapport sur les moyens de donner plus d'intensité au gouvernement actuel. P., III. P. 2, 11-12; *Thibaudeau A.C.* Discours de Thibaudeau, représentant du peuple, sur le gouvernement actuel. P., III. P. 16-19.

² *Fréron L.M.S.* Discours de Fréron, sur les plans de Gouvernement proposés par le représentant du Peuple Thibaudeau & par la commission des onze. P., III. P. 15.

³ *Lanjuinais J.D.* Opinion sur le gouvernement provisoire de la République. P., III. P. 3.

⁴ Скажем, для Ж.Д. Бредена это произошло не раньше 20-х чисел мая. *Bredin J.D.* Op. cit. P. 359.

⁵ *Олар А.* Указ. соч. С. 372. С ним солидарен и один из исследователей Конституции 1795 года К. Черч. *Church C.* Du nouveau sur les origines de la Constitution de 1795 // *Revue historique de droit français et étranger.* 1974. № 4. P. 607.

дни в любом случае не мог не возникнуть¹. Хотя бы потому, что в распространенном вечером 30 флореаля (19 мая) памфлете «Восстание народа с целью получения хлеба и восстановления его прав», была ссылка на ст. 23 и 35 старой Декларации прав, узаконивающие право народа на восстание². В то же время, по мнению Б. Бачко, с которым я полностью согласен, толпа, штурмовавшая Конвент под такими лозунгами, наглядно показала депутатам, что демонтаж системы Террора и отмена Конституции 1793 года – не что иное, как два аспекта одной проблемы³. Весьма достоверным мне видится и свидетельство американского генерального консула в Париже Дж. Монро. «Движения 12 жерминаля и 1 прериала, – писал он, – закончились благоприятно для целей революции, усилив правительство и обещая некоторые изменения в конституции 1793 года в соответствии с нашими принципами: разделение легислатуры на две ветви», что в настоящее время и обсуждает Комиссия одиннадцатидесяти⁴.

В итоге мне видится более вероятным, что именно прериаль послужил поворотной точкой в работе Комиссии, поскольку очевидно, что двухпалатную систему можно было ввести только в результате коренного пересмотра Конституции 1793 года.

Однако необходима одна оговорка. Для термидорианцев было весьма характерно ставить знак равенства между применением Конституции 1793 года и возвратом к системе Террора. Совсем иное дело, когда в это же искушение впадают историки. В этой связи вполне закономерным кажется вопрос, поставленный С. Абердамом и, как мне представляется, не вполне услышанный историками: если

¹ «Если говорить буквально, – отмечал в своем рапорте один из полицейских агентов, – то хлеб лежал в основе их восстания, однако Конституция была его душой». *Madelin L. La Révolution française*. P., 1979. Vol. 4. P. 219.

² *Baczko B. Comment sortir de la Terreur*. P. 308.

³ *Ibid.* P. 328. Можно сослаться также на новейшего французского исследователя этих проблем – Я. Боска, – по мнению которого, «восстание 1 прериала сыграло роль катализатора, но не являлось причиной решения порвать с Конституцией 1793 года». *Bosc Y. Boissy d'Anglas et le rejet de la Déclaration de 1793 // L'an I et l'apprentissage de la démocratie*. P. 393.

⁴ Об этом же он сообщает еще в нескольких письмах на родину, в том числе Т. Джефферсону и Государственному секретарю Э. Рандольфу. *Monroe J. The Writings*. Vol. II. 1794-1796. N.Y., 1899. P. 268, 283, 297-298.

в 1794 и 1795 годах применение этой конституции попросту означало новый Террор, почему же было необходимо в 1793 году, как раз перед переходом к системе революционного правительства, отсрочить вступление в силу того же самого текста¹?

Вопрос и в самом деле принципиальный. Мало кто в Конвенте в то время рассматривал Конституцию 1793 года непредвзято – скорее, это был документ с определенной репутацией, составленный вполне определенными людьми, принятый в определенных условиях и содержащий в себе отдельные положения (например, пресловутое право на восстание), которые термидорианцам казались максимально непрактичными или опасными. Сам же спор о «качестве» конституции, реальности ее применения и т.д. далеко не закончен, но, к сожалению, выходит за рамки данной работы.

В то же время следует отметить, что весной 1795 года в пользу якобинской конституции высказывались отнюдь не только в Конвенте. Немало реверансов в ее адрес содержат и письма, поступавшие Комиссии одиннадцати, особенно в флореале-прериале. Многие, прежде чем высказать свои предложения, обязательно подчеркивали нерушимость и незыблемость существующей конституции, свое неизменное уважение к ней². А часовщик Пэле из Дижона даже задавал робкий, хотя и несколько двусмысленный вопрос: «Если в конституции обнаружатся одна или две плохих статьи, вы же не будете ее трогать, поскольку она одобрена народом?». Однако тут же «подсказывал» Комиссии, как обойти эту проблему: ведь народ одобрил прежде всего принципы, на которых Конституция построена, а несколько статей можно без проблем и поменять. И уж во всяком случае, уверен он, наверняка будут приняты некие дополнительные законы, ведь в конституции есть статьи, поощряющие анархию³.

В переписке с Комиссией намечались и первые направления реформы. «После шести лет революции, – предлагал анонимный

¹ *Aberdam S. Guerre civile et légitimation: le cas de la constitution de 1793 // Constitution & Revolution aux États-Unis d'Amérique et en Europe (1776/1815). Macerata, 1995. P. 358.*

² См., например: А.Н., С 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 25. 11 floréal, an III.

³ А.Н., С 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 1. См. также: А.Н., С 232, d.183 bis * 3/1. Doc. 2. Thorillon, ex-deputé, 5 floréal, an III.

автор, – начните с философии. Пришло время вернуть французскому народу мир и спокойствие, которые он заслужил своими бесчисленными жертвами»¹. «Франция, – с горечью отмечал другой, – как волнующееся море. Разрушены финансы, торговля, промышленность, сельское хозяйство, флот, внешние сношения»². В то же время корреспонденты напоминали, что в стране не хватает не только конституции, но и всего комплекса базовых законов: гражданского, уголовного, военного, сельского и торгового кодексов³.

Однако для Конвента принципиальной была именно конституция, чью судьбу и должна была решить Комиссия одиннадцати.

2. Комиссия одиннадцати

Статистический анализ биографий членов Комиссии одиннадцати дает результаты, во многом близкие показателям участников дебатов в целом. Средний возраст – 41 год. Большинство – юристы (восемь человек), пятеро избирались депутатами еще со времен Генеральных штатов, один был членом Законодательного собрания.

Различия проявляются при исследовании политической ориентации. Большинство членов Комиссии куда более гуманно, нежели основная масса депутатов, высказались по вопросу о судьбе короля: лишь четверо за смертный приговор без дополнительных условий, тогда как семеро выступали за апелляцию к народу и девять – за отсрочку приговора. Среди них больше бывших жирондистов или людей, близких к ним (пятеро), еще двое протестовали против изгнания «жирондистов» из Конвента. Не удивительно, что при диктатуре монтаньяров четверых было решено арестовать (правда, троим удалось скрыться, и в заключении находился лишь Дону), а Ларевельер-Лепо, как уже отмечалось, сам перестал посещать заседания Конвента.

¹ A.N., С 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 28. P. 15.

² A.N., С 229, d.183 bis * 7/1. Doc. 31. Ср.: «Мы без правительства, без религии, без доверия, без финансов, без наук, без талантов, без сельского хозяйства, без торговли, без промышленности; мы без хлеба». *Langloys J.Th. Des gouvernements qui ne conviennent pas à la France.* P., 1795. P. 1.

³ A.N., С 227, d.183 bis * 3/1. Doc. 3; *Ibid.*, d.183 bis * 3/3. Doc. 92.

При Термидоре две трети членов Комиссии (семь человек) входили в Комитет общественного спасения, а один из них (Тибодо) еще и в Комитет общей безопасности. Впоследствии все избирались депутатами Совета старейшин или Совета пятисот, тогда как Ларевельер-Лепо входил в числе Директоров. Если учесть, что четверо членов Комиссии (Боден, Крезе-Латуш, Лесаж и Лувэ) умерло, так и не увидев Наполеона на троне, то дальнейшая карьера оставшихся в живых сложилась даже более успешно, нежели у остальных участников дебатов: двое стали пэрами Империи, четверо получили титул графа Империи, пятеро – Орден Почетного легиона. Всего двое высланы при Реставрации, тогда как трое других и в это время продолжали свою карьеру (из них двое стали пэрами Франции).

Однако это лишь общая статистика. И если в рамках данной монографии нереально более подробно остановиться на биографиях всех 123 депутатов, участвовавших в дебатах, то с членами Комиссии одиннадцати мы можем познакомиться поближе.

Теофиль Берлье (1761-1844) – адвокат, поначалу сидевший на левом фланге Конвента. Высказался за отсрочку приговора и за казнь короля, сопроводив свой голос следующей ремаркой: «Человечность страдает, но совесть приказывает». 5 июня 1793 года вошел в Комитет общественного спасения, однако после его реорганизации переизбран не был. Кучинский считает его «не совсем монтаньяром», хотя, «быть может, единственным республиканцем среди членов комиссии». В то же время Ж.Ф. Файяр отмечает, что Берлье вообще был «вне игры фракций», но очень ценился за юридическую компетентность¹.

Почти весь 1793 и 1794 годы провел в миссиях. После Термидора избирался Председателем Конвента, членом Комитетов по законодательству и общественного спасения. Впоследствии член Совета пятисот, избирался его секретарем и председателем. После прихода Бонапарта к власти – государственный советник. Резко выступал против провозглашения Империи и превращения власти Наполеона в наследственную. Тем не менее, в 1804 году получил титул Командора Ордена Почетного легиона, а в 1808 году – графа

¹ *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A. Op. cit. P. 574.*

Империи. После Реставрации выслан из страны, жил в Брюсселе. После Июльской революции вернулся во Францию, в 1836 году избран членом-корреспондентом Академии моральных и политических наук¹.

Пьер-Шарль-Луи Боден (1748-1799) – до Революции директор почт в Седане и его мэр. Депутат Законодательного собрания, был близок к жирондистам, особенно к Лувэ, в газете которого вел свою колонку. После избрания в Конвент современники обычно добавляли после его имени «из Арденн», чтобы отличать от однофамильца. Во время процесса Людовика XVI голосовал за тюремное заключение на время войны (с последующей высылкой из страны) и за апелляцию к народу. Поддержал обвинение Марата.

После Термидора избирался председателем Конвента, выступал за закрытие Якобинского клуба. В конце сессии высказался за всеобщую амнистию, которая и была декретирована. Ж.Р. Сюратто называл его «типичным “термидорианцем”». В одном из памфлетов Боден писал, что совершенно не ожидал избрания в Комиссию и с самого начала дискуссии старался привлечь внимание к необходимости «закончить революцию». Далее он отмечал, что «никакое предложение, никакие взаимоотношения не могут ни укрепить, ни ослабить то, что я не перестаю черпать в моей приверженности к республиканскому правлению»². Отметим, что ни один из доступных мне источников не дает оснований в этом усомниться.

Впоследствии член Совета старейшин³, где не раз давал отпор роялистским интригам. В одном из памфлетов V года Республики его охарактеризовали следующими словами: «Здравомыслящий, приятный писатель, враг анархии, но слишком часто – раб обстоятельств»⁴. Поддержал правительство в ходе переворота 18

¹ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 49; *Robinet J.-F.-E.* Dictionnaire historique et biographique de la Révolution et de l'Empire. 1789-1815. P., 1899. Vol. 1. P. 159.

² *Baudin P.-C.-L.* Lettres de Baudin à Laharpe; et de Laharpe à Baudin. P., 1795. P. 6, 7.

³ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 39; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 1. P. 122.

⁴ Manuel des assemblées primaires et électorales de France, avec de notes sur les Factions d'Espagne, d'Orléans, etc.etc... Hambourg, s. d. [an V]. P. 25.

фрюктидора, выступал против бабувистов. Член Института Франции со дня основания, талантливый публицист¹. О его смерти «Словарь французских парламентариев» интригующе пишет, что, узнав о возвращении Наполеона из Египта, «он испытал от этого такую радость, что сделал два дела, не свойственных его характеру, и тем же вечером умер от приступа подагры»². На самом же деле, он умер от сердечного приступа. Ж.Д. Гара (*Garat*), депутат, произносивший надгробную речь, заявил, что его убило «потрясение от радости», а временные Консулы воздали ему «почести, достойные его добродетелей»³.

*Франсуа-Антуан Буасси д'Англа*⁴ (1756-1826) – адвокат, протестант, член Института, депутат от третьего сословия в Генеральных штатах. До Революции был известным публицистом, членом сразу нескольких провинциальных Академий и Парижской Академии надписей и изящной словесности. 27 декабря 1791 года заявлял, что «предан конституции и рассматривает ее как самое прекрасное творение, которое только люди могли создать»⁵ (разумеется, он имел в виду монархическую Конституцию 1791 года, принятую Учредительным собранием).

В Конвенте нередко голосовал солидарно с жирондистами. На процессе короля высказался за тюремное заключение и депортацию после наступления мира, а также за отсрочку приговора. Поддержал обвинение против Марата. Во время диктатуры монтаньяров сравнивал Робеспьера с Орфеем, чего ему долго не могли простить, а некоторые эмигранты и после Термидора причисляли Буасси к робесперистам⁶. В то же время есть упоминания о том, что Буасси д'Англа

¹ *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A. Op. cit. P. 569.*

² *Dictionnaire des parlementaires français comprenant tous les Membres des Assemblées français et tous les Ministres français depuis le 1er Mai 1789 jusqu'au 1er Mai 1889. P., 1890. Vol. 1. P. 201-202.*

³ *Suratteau J.-R. Baudin // Soboul A. Dictionnaire historique de la Révolution française (далее – DHRF). P., 1989. P. 97-98.*

⁴ Таково написание его фамилии в русской традиции, однако в Ардеше, его родном департаменте, она произносится как Буасси д'Англас.

⁵ *Dictionnaire des parlementaires français... Vol. 1. P. 368.*

⁶ См., например: Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф. 74. Сношения России с Пруссией. Оп. 74/6. Д. 441. Л. 26.

якобы направил в избравший его департамент письмо с протестом против тирании Горы и был спасен от репрессий только благодаря вмешательству Ж.А. Вулана из Комитета общей безопасности.

Будучи избран после Термидора в Комитет общественного спасения, отвечал за снабжение продовольствием и так, с точки зрения общественного мнения, запустил дела¹, что прозвище, которым наградил его народ, «Буасси-голод», было в ходу даже при Директории. «Комитет общественного спасения, – сообщали в Петербург из Генуи в марте 1795 года, – с величайшей неосторожностью поручил заботы о снабжении Парижа Буасси д'Англа, самому неподходящему во Франции человеку для этого дела»². Примерно в это же время за Буасси постепенно закрепляется репутация роялиста³.

Его мужество в прерииале III года, когда он, будучи председателем Конвента, не испугался инсургентов и с уважением склонился перед насаженной на пику головой убитого ими депутата, сделали его одной из самых популярных политических фигур. «Этот человек, – писал Лезей-Марнезия, – который был столь велик, когда Конвент был столь незначителен, казалось, не обращал внимания на свое величие, и публика, не признающая более ничего, кроме крупных преступлений, едва говорила о Буасси; но будущее, способное судить более беспристрастно, чем современность, без сомнения, отберет его у века, к которому он не принадлежал»⁴. «Его ненависть к тирании,

¹ Об этом же кроме А. Кучинского пишут такие разные авторы, как Баррас и Бодо: *Barras P. Mémoires de Barras, membre de Directoire. P., 1895. Vol. 1. P. 228; Baudot M.A. Op. cit. P. 265.* Было бы странно обвинять в этом исключительно Буасси, но ситуация со снабжением столицы и в самом деле была чрезвычайно серьезной. Дело дошло до того, что Комитет Общественного спасения (!) организовал раздачу масла, сахара и риса нуждающимся членам Конвента. *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 214.*

² АВПРИ. Ф. 48. Сношения России с Генуей. Оп. 48/2. 1795 год. Д. 92. Л. 121.

³ *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 232-233; Thibaudeau A.C. Mémoires... P. 179; Granier de Cassagnac A. Histoire du Directoire. P., 1851. Vol. 1. P. 73.* В работах Буасси, опубликованных уже после Реставрации, этому можно найти немало подтверждений, хотя это мало что доказывает. См., например: *Boissy d'Anglas F.A. Essai sur la vie, les écrits et les opinions de M. de Malesherbes, adressé à mes enfants. P., 1819. P. 284-285.*

⁴ *Lezay-Marnezia A. de. Les ruines ou Voyage en France, pour servir de suite à celui de la Grèce. 4e édition. P., IV. P. vij.*

– говорится в одном из позднейших памфлетов, – и его уважение к правам Народа, которые он защищал с такой смелостью и стойкостью в самые бурные эпохи революции, снискали ему всеобщее уважение»¹.

Впоследствии депутат Совета пятисот, избирался его председателем. «Совет пятисот, ставя вас во главе, – напишет один из его корреспондентов в фрюктидоре IV года, – дал понять, что честные люди, друзья порядка и Конституции, услышаны. Так пусть же наступит эпоха искреннего и длительного возвращения к принципам справедливости, о которых напоминает уже само ваше имя!»². После разгрома «клишьенов»³ Буасси оказывается в тюрьме на острове Олерон. Его бумаги захвачены полицией, однако, в них мне не удалось обнаружить ни малейшего намека на связи с роялистами⁴; в то же время известно, что еще в 1795 году, как минимум, конституционные монархисты состояли с ним в переписке и высоко его оценивали. Так, например, П.В. Малюзэ писал в то время Малле дю Пану: «Буасси д'Англа – один из самых честных людей в Конвенте (это не о многом говорит, однако он, по крайней мере, не голосовал за казнь короля и первым начал произносить разумные речи в этом собрании каннибалов)»⁵. После 18 брюмера освобожден. Член Трибуната и Сената (1804), граф Империи (1808), Великий Командор Ордена Почетного Легиона (1811), пэр во время Ста дней и после Реставрации⁶.

Л.С. Мерсье писал о нем: «Никогда республика не подвергалась такой опасности, как когда действовал этот коварный и хладнокров-

¹ Manuel des assemblées primaires... P. 23.

² A.N., F7 4606, d.3, соррет 231.

³ Начиная с осени 1795 года на улице Клиши собирался неформальный клуб, объединявший конституционных монархистов, включая бывших фейянов. После переворота 18 фрюктидора большинство из них было выслано из страны, заключено в тюрьмы или исключено из Законодательного корпуса.

⁴ Что, разумеется, может говорить как о том, что подобных документов не существовало в природе, так и об осторожности самого Буасси. A.N., F7 4606.

⁵ Malouet P.V. Mémoires de Malouet. P., 1874. Vol. 2. P. 440.

⁶ Kuscinski A. Op. cit. P. 66; Robinet J.-F.-E. Op. cit. Vol. 1. P. 214-215; Dictionnaire des parlementaires... Vol. 1. P. 368; Dorigny M. Boissy d'Anglas // DHRF. P. 127-128.

ный негодяй», и считал его вторым Монком и англоманом¹. Зато Ларевельер-Лепо, напротив, не сомневался, что Буасси достоин всяческого уважения за свое поведение во время прериальского восстания, хотя и замечал, что тот подозрительно быстро изменил свои взгляды после 9 термидора – вполне естественный упрек со стороны человека, пострадавшего при монтаньярах за свои убеждения². Левые французские историки так до сих пор и не могут простить Буасси речи в Конвенте, произнесенной 17 термидора (4 августа 1795 года), в которой он показал себя непримиримым сторонником сохранения колоний³; большинство же причисляет его к умеренным депутатам⁴.

Любопытно, что для советской историографии Буасси оказался милее многих других термидорианцев. «Осторожный, сдержанный, усиленно готовивший себя к почетным нейтральным или центральным ролям, – писал о нем Е.В. Тарле, – Буасси д'Англа был, по сравнению с правыми термидорианцами, менее замаранным человеком. [...] В нем все же было меньше азартной ненависти, не было той лютой злобы, характерной для подлинных ренегатов, вроде Фрерона»⁵.

Отметим, что современники нередко связывали новую конституцию именно с Буасси: остряки называли ее, намекая на заикание депутата, «конституция Бабебобу»⁶, а политические противники возлагали на него ответственность за ее разработку. Так, например, Бабеф вопрошал: «Чем и когда искупит Буасси преступление, которое он совершил, дав жизнь этому кодексу угнетения, который оценили по достоинству, окрестив его именем автора?»⁷.

Неоднозначную реакцию вызывало у современников и умение Буасси приспособиться к различным политическим режимам. Так,

¹ *Mercier L.S. Paris pendant la Révolution (1789-1798) ou Le Nouveau Paris. P., 1862. Vol. 2. P. 47.*

² *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 220, 232.*

³ См., например: *Gauthier F. Triomphe et mort du droit naturel... P. 270-280.*

⁴ См., например: *Sydenham M.J. The First French Republic. L., 1974. P. 326; Brunel F. Sur l'historiographie de la réaction thermidorienne. P. 465.*

⁵ *Тарле Е.В. Жерминаль и прериаль. С. 61.*

⁶ При этом для некоторых современников было очевидно, что Буасси не писал свои самые известные речи. *Meister H. Souvenirs de mon dernier voyage à Paris (1795). P., 1910. P. 102.*

⁷ *Бабеф Грахх. Указ. соч. Т. 4. С. 50.*

граф д'Аллонвиль с немалой иронией цитирует в своих мемуарах фразу Буасси о Конституции III года: «Если это правление рухнет, у нас останется выбор лишь между чашей Сократа, кинжалом Брута и секирой Сиднея», добавляя: «Выбор, которому он впоследствии весьма мудро предпочел титул пэра Франции»¹.

Оценки историков и современников настолько неоднозначны, что здесь, как и при прочтении биографических справок о других членах Комиссии, может возникнуть закономерный вопрос: так кем же все-таки был этот человек, о политических взглядах которого нам приходится судить по набору столь разноречивых сведений? Мне все же кажется, что, если присмотреться внимательно, то в калейдоскопе мнений всегда можно различить некую доминанту. Для Буасси д'Англа такой доминантой будет прожирондистская, а затем и пророялистская ориентация в соединении с большой долей личного мужества. Впрочем, его характеру присуща и немалая доля конформизма.

«Великий нотабль-либерал» – озаглавила свою книгу о нем К. Ле Бозек². Что ж, можно сказать и так.

Пьер Клод Франсуа Дону (1761-1840) – именно на его долю выпало изо дня в день отвечать в Конвенте критикам проекта Комиссии. При этом он неизменно проявлял тонкий ум, находчивость и удивительное, по мнению Ларевельера-Лепо, знание мельчайших деталей общественного устройства, равно как и предметов высшего порядка, а также большой талант аналитика³. «Он вел с трибуны дискуссию, – отмечал Кучинский, – демонстрируя при этом столько же таланта, сколько и компетентности в вопросах конституционного права».

Дону принимал непосредственное участие в создании Института и стал его первым председателем. Еще осенью 1789 года опубликовал брошюру «Общественный договор французов»⁴. На

¹ *Allonville A.F.* Op. cit. Vol. 3. P. 345.

² *Le Bozec C.* Boissy d'Anglas, un grand notable libéral.

³ *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 235-236.

⁴ *Baczko B.* Le contrat social des Français: Sieyès et Rousseau // *The French Revolution and the Creation of Modern Political Culture.* Oxford, 1987. Vol. 1. P. 492.

процессе Людовика XVI голосовал за тюремное заключение до наступления мира, за отсрочку приговора и против апелляции к народу. При жирондистах и после 9 термидора много занимался вопросами общественного образования. Будучи лишен полномочий за протест против ареста «жирондистов», к которым был близок¹, провел в тюрьме 14 месяцев. Вернулся в Конвент только в конце 1794 года и «очень быстро стал одним из наиболее видных депутатов»², членом Комитета общественного спасения. Мадам де Сталь сравнивала Дону, Буасси и Ланжюине с «лучами свободы над Францией»³ и даже предсказывала их назначение Директорами⁴, для чего, правда, у Дону не было легальных оснований, так как он не проходил в Директорию по возрасту. Добавим, что Дону был давним сподвижником Сийеса⁵, хотя в ходе дискуссии и не поддержал его конституционный проект.

До Революции ораторианец, профессор философии (1784), впоследствии член и председатель Совета пятисот, активный участник комиссии по выработке Конституции VIII года, член и председатель Трибуната, профессор Эколь сентраль (1796), главный администратор библиотеки Пантеона (1796), архивист Империи (1804). Награжден Орденом Почетного Легиона. Трижды Наполеон предлагал ему место в Государственном совете, и трижды Дону отказывался, оставаясь верным своим принципам. Один раз это даже заставило Первого Консула раздраженно воскликнуть: «Я предлагаю вам это место не потому, что люблю вас, а потому, что нуждаюсь в вас».

После Реставрации Дону – член палаты депутатов (1819-1823, 1828-1834), профессор истории Коллеж де Франс (1819); при Июльской монархии – главный хранитель королевских архивов (август

¹ *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 285.

² *Dorigny M.* Daunou // DHRF. P. 324.

³ *Staël A.L.G. de.* Op. cit. P. 318. В этой связи любопытно, что Ларевельер-Лепо проводил очень четкую границу, по одну сторону которой были он и Дону – настоящие республиканцы, а по другую – Буасси и другие сторонники монархии. Он же отмечал противостояние между Ланжюине и Дону. *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 207, 209.

⁴ *Lacretelle Ch.* Dix années d'épreuves pendant la Révolution. P., 1842. P. 252.

⁵ *Clapham J.H.* The Abbé Sieyès. An Essay in the Politics of the French Revolution. L., 1912. P. 166.

1830), главный редактор *Journal des savants*, член Академии моральных и политических наук (1832), постоянный секретарь Академии надписей и изящной словесности (1838), пэр Франции (1839). В своем завещании он распорядился, чтобы его похоронили без всяких церемоний и чтобы над его могилой не произносилось никаких речей¹. «Мало политиков имело меньше врагов, чем Дону», – отмечают авторы одного из биографических словарей².

Можно добавить, что эта яркая личность незаслуженно, как мне кажется, обойдена вниманием историков. Если не считать достаточно поверхностной диссертации юриста Ж.П. Клемана³, то последняя из известных мне биографий Дону была издана Тайандье в 1841 году⁴.

Пьер-Гуссен Дюран-Майян (1729-1814) – адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия. В Конвенте сидел сначала рядом с Ж. Петионом, потом отделился от жирондистов и перебрался на Равнину. Голосовал за содержание короля в тюрьме до заключения мира с дальнейшей депортацией и за отсрочку приговора.

Хранил молчание до самого падения Робеспьера. Именно он произнес Тальену и Бурдону накануне переворота знаменитую фразу: «Мы вам поможем, если вы возьмете верх, но не станем помогать, если окажетесь слабее». А 9 термидора, когда Робеспьер бросил призыв к «добродетельным людям», ответил ему другой, не менее известной репликой, на этот раз послужившей сигналом для восстания: «Негодяй! Добродетель, чье имя ты осквернил, должна привести тебя на эшафот!».

Впоследствии Дюран-Майян – один из самых влиятельных деятелей Конвента⁵, Б. Бачко даже называет его «рупором (*porte-parole*) Равнины»⁶, а Матъез отмечает, что он день ото дня завоевывал доверие «реакционеров», которые признавали его за одного из своих

¹ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 178; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 1. P. 557; *Bowier P.* Les papiers de Daunou à la Bibliothèque Nationale // *La Révolution française.* 1912. Vol. 63. P. 455; *Allegret M.* Daunou // *Le souvenir napoléonien.* Février 1987. N° 351. P. 35-36.

² *Dictionnaire des parlementaires...* Vol. 2. P. 268-269.

³ *Clement J.P.* Op. cit.

⁴ *Taillandier A.H.* Documents biographiques sur P.-C.-F. Daunou. P., 1841.

⁵ *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A.* Op. cit. P. 785.

⁶ *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur. P. 148.

руководителей¹. Большую часть III года он провел в миссии, где усердно искоренял остатки Горы и покровительствовал Товариществам Иисуса. Несмотря на это, его политическая ориентация оказывается весьма расплывчатой. Как полагает, например, Гранье де Кассаньяк, он был «роялистом по внутреннему ощущению, нерешительным по характеру и демократом по поведению»² – полная эклектика.

Параллельно с работой в Комиссии одиннадцати Дюран-Майан усердно участвовал в деятельности Комитета по законодательству и часто бывал его докладчиком. По его собственному признанию, не ожидал, что будет включен в Комиссию, считал, что Конституция 1791 года – «самый прекрасный памятник человеческой доблести»³. По мнению ряда историков, был значительно более правым, чем другие члены Комиссии⁴.

Впоследствии, будучи избран в Совет старейшин, уличен в сношениях с эмиссарами Людовика XVIII. После 18 фрюктидора на некоторое время заключен в Тампль, но преклонный возраст помог ему избежать депортации – в феврале 1798 года выпущен на свободу (в частности, не без помощи Бодена). Приветствовал переворот 18 брюмера, однако при Наполеоне ему далеко продвинуться не удалось⁵.

Жак-Антуан Крезе-Латуш (1749-1800) – адвокат, депутат Генеральных штатов от третьего сословия, член Якобинского клуба с 1790 года. В Конвенте сидел среди умеренных. Голосовал за обвинение Марата, по поводу участи короля высказался за тюремное заключение до наступления мира и высылку, а также за отсрочку и апелляцию к народу. Считался специалистом по проблемам торговли, отстаивал свободную торговлю продовольствием (вплоть до весны 1793 года). Он был близок к жирондистам, однако из

¹ *Mathiez A. Quelques lettres de Durand de Maillane // La Révolution française. 14.X.1900. Vol. 39. № 4. P. 295.*

² *Granier de Cassagnac A. Op. cit. P. 73.*

³ *Durand de Maillane P.T.S. Histoire de la Convention Nationale. P., 1825. P. 275, 292.*

⁴ См., например: *Church C. Op. cit. P. 609.*

⁵ *Kuscinski A. Op. cit. P. 233; Robinet J.-F.-E. Op. cit. Vol. 1. P. 718; Dictionnaire des parlementaires... Vol. 2. P. 521.*

осторожности отказался к ним примкнуть, оставшись другом семьи Роланов и приняв их маленькую дочку после смерти супругов¹. В своих мемуарах Ларевельер-Лепо назовет его истинным сторонником свободы, человеком моральным и не чуждым философии². Один из более поздних памфлетов характеризовал его, как человека «безупречных нравов, мягких привычек и огромных талантов, что снискало ему уважение всех добродетельных людей Франции»³.

После Термидора Крезе-Латуш избирался в Комитет общественного спасения. Член Института со дня основания. Впоследствии член Совета пятисот и Совета старейшин, активно поддержал переворот 18 фрюктидора. При Консульстве вошел в состав Сената⁴.

Жан-Дени Ланжюине (1753-1827) – адвокат, с девятнадцати лет доктор права, депутат от третьего сословия в Генеральных штатах, один из основателей Бретонского клуба. В Учредительном собрании резко выступал против привилегий и за равенство в правах для цветного населения колоний. В 1791 году примкнул к фейянам.

Сразу после избрания в Конвент отказался принести клятву в ненависти королевской власти. Голосовал за лишение короля свободы до наступления мира, затем за депортацию и за отсрочку приговора. Пытался потребовать, чтобы король мог быть осужден только $\frac{3}{4}$ голосов.

Близок к жирондистам, вместе с ними выступал против сентябрьских убийств и Робеспьера. Протестовал против создания Революционного трибунала, высказался за обвинение Марата. Рассказывают, что однажды ему случилось оказаться у одного и того же торговца книгами вместе с другим депутатом, якобинцем Лежандром, которого Ланжюине откровенно не любил. Раскрыв том Монтескье, Лежандр поинтересовался, согласен ли Ланжюине со словами философа о том, что «кто правит свободными людьми, тот сам должен быть свободен». «Они бессмысленны, – якобы ответил Ланжюине, намекая на то, что до того, как заняться политикой, его

¹ *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A.* Op. cit. P. 738.

² *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. Vol. 1. P. 295.

³ *Manuel des assemblées primaires...* P. 35.

⁴ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 163; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 1. P. 506; *Dorigny M.* Creuzé-Latouche // DHRF. P. 311.

недруг был простым мясником, – это все равно как если бы сказать: кто хочет убивать откормленных быков, тот сам должен быть хорошо откормлен!»¹

Стал одной из центральных фигур заседания 2 июня 1793 года. Резко выступив против Коммуны, отказался подчиниться декрету об аресте и скрывался 18 месяцев в своем доме, тогда как его мать, сестра и брат были арестованы. Некоторые, например Тальен, обвиняли Ланжюине в роялизме², но Лувэ и Сийес, напротив, его защищали. Издатель его трудов, Виктор Ланжюине, уверен, что в III году он был «искренне предан республике»³.

В одном из писем, адресованных Ланжюине в июле 1795 года, говорилось: «Гражданин, я не знаком с вами лично, но знаю вместе со всей республикой и вашу смелость при отстаивании принципов, и успех, который не раз стяжал ваш талант»⁴. Автор другого письма, поступившего на его имя в Комиссию одиннадцати, характеризовал Ланжюине следующим образом: «Человек великого характера, праведного духа, щедрого сердца. День, когда вы вновь появились в Конвенте был днем, когда все сердца стали открыты надежде»⁵.

Член Института со дня основания. Впоследствии депутат Совета старейшин (за него проголосовали 73 департамента). Поддержав 18 брюмера, стал сенатором (1800). Выступал против пожизненного Консульства и провозглашения Империи; его числили, наряду с Б. Констаном и Вольнеем, в рядах либеральной оппозиции Империи. Тем не менее, в 1808 году он получил титул графа Империи, стал командором Ордена Почетного легиона и членом Института.

Во время Ста дней председатель Палаты депутатов. Пэр Франции при Людовике XVIII. Продолжал отстаивать либеральные взгляды, протестовал против казни маршала Нея, отстаивал свободу прессы. Когда в 1818 году бывший депутат Конвента К. Глейзаль (*Gleizal*) собирал по подписке деньги для их общих коллег,

¹ Всемирное остроумие. М., 1999. С. 161.

² Сходного мнения придерживался и Тибодо. *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 179.

³ *Lanjuinais J.D. Œuvres. P., 1832. Vol. 1. P. 53.*

⁴ *Ibid. P. 455.*

⁵ A. N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 26.

пострадавших от высылки из страны, Ланжюине не преминул принять в этом участие¹.

Луи-Мари Ларевельер-Лепо (1753-1824) – адвокат, профессор ботаники в Анжере, член Института со дня основания, депутат Генеральных штатов от третьего сословия². Есть свидетельства о том, что до 1789 года постоянно мечтал уехать в революционную Америку, но события на родине изменили его планы.

На процессе короля голосовал за смертную казнь и против отсрочки приговора. Выступал против создания революционных трибуналов, за обвинение Марата. Был близок к жирондистам³. В феврале 1793 года Ларевельер опубликовал статью против Робеспьера, озаглавленную «Кромвелизм». После 31 мая постоянно требовал поименного голосования; затем покинул Конвент, заявив, что ноги его там не будет, покуда туда не вернется свобода. Когда приняли декрет о его аресте, он скрылся и был объявлен вне закона. Вернувшись после 9 термидора, стал, наряду с Сийесом и Камбасересом, одним из новых лидеров Конвента⁴, где председательствовал и входил в Комитет общественного спасения.

Впоследствии депутат Совета старейшин, первый в списке Совета пятисот на избрание Директором (получил 216 из 218 голосов). Один из инициаторов государственного переворота во фрюктидоре V года Республики (сентябре 1797 года). Журналисты частенько издевались тогда над его стремлением к популярности; стоило ему заявить, что он слышал крики: «Да здравствует Ревельер⁵», одна из

¹ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 369; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 2. P. 314-315; *Dictionnaire des parlementaires...* Vol. 3. P. 578-579; *Dorigny M.* Lanjuinais // DHRF. P. 641-642.

² В те годы он был настолько неизвестен, что *Moniteur* называл его г-н де Лепо. *Granier de Cassagnac A.* Op. cit. Vol. 1. P. 168.

³ *Mathiez A.* Le personnel gouvernemental du Directoire // AHRF. 1933. Vol. X. P. 392.

⁴ *Dawson Ch.* The Gods of Revolution. L., 1972. P. 115.

⁵ Написание фамилий политических деятелей в принципе было во время Революции весьма вольным: в *Moniteur* даже в пределах отчета об одном заседании Конвента фамилию депутата могли написать по-разному. Если же в фамилии встречались частицы «la» или «de», вариации были практически неизбежны.

газет тут же написала, что «он был единственным, кто слышал этот возглас»¹.

Современники отзывались о Ларевельере-Лепо весьма неоднозначно. Барон де Барант считал его «жирондистом скорее по сходству мнений, нежели в силу групповых связей», и отмечал, что после возвращения в Конвент «он, прежде всего, доверял партии умеренных». «В комиссии, – пишет далее тот же автор, – он проявил себя, в первую очередь, противником демократических предрассудков и принципов анархического равенства; позднее страх реакции и мысль, что контрреволюция возможна, отбросили его к старым якобинцам, и он стал первым кандидатом в Директорию. Это был человек хилый, уродливый, с неприятной внешностью. Когда-то он пробовал стать адвокатом, затем сделался понемногу писателем, ученым и философом; посредственный во всем; он был лжив, занудлив и полон любви к себе»².

А.Д. Лаффону-Ладеба он запомнился как «лицемер, присвоивший себе, не знаю уж как и почему, репутацию мудреца. Страх сделал его жестоким варваром»³. Л. Карно называл его «наглым и безобразным, желчным и неопытным»⁴, Бодо – «безрассудным теософом»⁵, А. Даникан – человеком «слабой закалки с холодным и мертвенно-бледным лицом»⁶. Граф д'Аллонвиль считал, что это был «тихопомешанный, упрямец, лишенный характера, практически полностью погруженный в смешную идею создать новый культ, как будто культ может существовать без традиции», «гротескный персонаж»⁷.

Особенно много насмешек вызывало его стремление стать основателем новой религии – теофилантропии. Тот же д'Аллонвиль

¹ *Suratteau J.-R. La Revellière-Lépeaux // DHRF. P. 645.*

² *Barante A.G.P. Histoire du Directoire de la République française. P., 1853. Vol. 1. P. 14.*

³ *Laffon-Ladebat A.D. Op. cit. P. 79.* Впрочем, имеет смысл сделать поправку на то, что автор был выслан после переворота 18 фрюктидора.

⁴ Цит. по: *Kuscinski A. Op. cit. P. 374.*

⁵ *Baudot M.A. Op. cit. P. 118.*

⁶ *Danican A. Notice sur le 13 vendémiaire, ou les parisiens vengés. S. 1., 1796. P. 48.*

⁷ *Allonville A.F. Op. cit. Vol. 4. P. 52.*

вспоминает ходившую в то время анаграмму: «остряки сделали из теофилантропа “кучу дураков” (*filoux en troupe*)»¹. Талейран же, выслушав проекты Ларевельера, якобы сказал: «Позволю себе сделать вам одно замечание: Иисус Христос, чтобы основать свою религию, умер на кресте и воскрес; я полагаю, что вам надобно попытаться сделать то же самое»².

Хотя негативные и ироничные оценки, пожалуй, доминируют, встречаются и другие. Так, например, Л. Прюдом рисует Ларевельера-Лепо человеком скромным, врагом роскоши и неутомимым работником, подчеркивая, что «он ушел из Директории столь же бедным, как и вступил в нее»³.

Своеобразным третейским судьей здесь может выступить Наполеон, отмечавший как положительные, так и отрицательные стороны Ларевельера-Лепо. Император вспоминал на острове Святой Елены: «Он был из очень мелкой буржуазии, маленький, горбун, с самой неприятной внешностью, какую только можно себе представить. Писал он посредственно; его кругозор был неширок, он не имел ни привычки к делам, ни знания людей. Сад цветов Теофилантропии, новой религии, основателем которой он маниакально хотел стать, занимал все его мысли. В остальном же он был горячим и искренним патриотом, честным человеком, сведущим и порядочным гражданином; бедняком он стал членом Директории и бедняком оставил ее. Природа снабдила его характером лишь в той мере, чтобы быть подчиненным»⁴.

С его основной профессией ясности нет. Показательно, что если А. Фантен-Дезодоар запомнил, что в списке Директоров Ларевельер числился адвокатом⁵, то Прюдом уверен, что он был там записан

¹ *Allonville A.F.* Op. cit. Vol. 4. P. 52. Любовь Ларевельера к теофилантропии делала его мишенью и многих карикатур (*Vovelle M.* La Révolution Française. Images et recit. P., 1989. T. V. P. 23).

² Всемирное остроумие. С. 183.

³ *Prudhomme L.* Op. cit. Vol. 11. P. 16.

⁴ *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A.* Op. cit. P. 207.

⁵ *Fantin-Desodoards A.* Histoire de la République française, depuis la séparation de la Convention Nationale jusqu'à la Conclusion de la Paix entre la France et l'Empreur. P., 1798. P. 19.

ботаником¹. Также не совсем ясна и его политическая ориентация. Если Даникан считал его якобинцем², то Фантен-Дезодор, напротив, был уверен, что это для Ларевельера наименее подходящая характеристика³. По словам К.Ф. Болью, однажды во время дискуссии в Конвенте Ларевельер якобы сказал ему, что они сделали глупость, захотев учредить республику, несмотря на то, что Конвент в том составе, в котором он был, и не мог предложить монархию. В том же разговоре Ларевельер будто бы обещал приложить все усилия, чтобы поставить во главе страны президента, но потом, вспоминает Болью, испугался и выступил против подобной идеи⁴.

Та же неясность и с мотивами его избрания в Директорию. Стал ли он ее членом, как представитель «золотой середины»⁵ или же как жертва 31 мая⁶, то есть как некий гарант против репрессий, поскольку сам был репрессирован при диктатуре монтаньяров⁷? Вопрос до сих пор открыт, хотя Матъез и предложил на него в свое время довольно-таки остроумный ответ: «Наиболее посредственные, как это часто бывает, получают больше голосов, чем люди способные и энергичные»⁸.

Отказавшись присягнуть Империи, Ларевельер-Лепо сошел с политической сцены и в 1804 году был уволен из Института, хотя известно, что Фуше обещал ему пенсию, если только тот попросит ее у Наполеона. Ко времени Реставрации он настолько отошел от дел, что даже не был выслан из страны как цареубийца⁹.

¹ *Prudhomme L.* Op. cit. Vol. 11. P. 2.

² *Danican A.* Le fléau des tyrans et des septembriseurs, ou Réflexions sur la Révolution française. Lausanne, 1797. P. 38.

³ *Fantin-Desodoards A.* Op. cit. P. 7.

⁴ *Beaulieu C.F.* Op. cit. Vol. 6. P. 248-249.

⁵ *Woronoff D.* La République bourgeoise de Thermidor à Brumaire. P., 1972. P. 49. Ср.: «Ларевельер-Лепо был избран в Директорию за республиканизм, что было более доказано, чем его способности». *Doyle W.* The Oxford History of the French Revolution. Oxford, 1989. P. 321.

⁶ *Prudhomme L.* Op. cit. Vol. 2. P. 511.

⁷ *Beaulieu C.F.* Op. cit. Vol. 6. P. 247.

⁸ *Mathiez A.* Le personnel gouvernemental du Directoire. P. 388. Жаль лишь, что Матъез не указал, к какой категории он относит, например, Барраса.

⁹ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 374; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 2. P. 324-325; Dictionnaire des parlementaires... Vol. 3. P. 594-596.

Дени-Туссен Лесаж (1758-1796) – адвокат, в Конвенте сидел на Равнине, был связан с жирондистами. Голосовал за казнь короля с отсрочкой приговора, за апелляцию к народу. После принятия 2 июня 1793 года декрета о его аресте бежал, скрывался в Бретани, был объявлен изменником родины и поставлен вне закона.

После 9 термидора избирался в Комитет общественного спасения. По мнению Кучинского, в Комиссии представлял сторонников монархии, наряду с Ланжюине и Дюран-Майяном¹. Впоследствии избран депутатом Совета пятисот 54 департаментами².

Жан-Батист Лувэ (1760-1797) – писатель, издатель, член Института. Один из наиболее страстных жирондистских³ ораторов. На процессе короля голосовал за казнь со множеством оговорок, за апелляцию к народу и отсрочку. В Конвенте неоднократно выступал против Марата, Дантона и, в особенности, Робеспьера, которому не мог простить своего исключения из Якобинского клуба за аморальность написанных им произведений, но отказался принимать участие в поименном голосовании по поводу осуждения Марата, так как считал себя его личным врагом. Редактор газеты *La Sentinelle*.

Во время диктатуры монтаньяров объявлен вне закона. Вместе с М.Э. Гюаде, Ш.Ж.М. Барбару и Ф.Н.Л. Бюзо бежал в департаменты, приложил немалые усилия для организации там сопротивления, а затем принял спасшее ему жизнь решение вернуться в Париж, где и скрывался до падения Робеспьера.

В термидорианский период стал объектом нападков «золотой молодежи»⁴. Когда она пришла под его окна исполнять

¹ Не исключено, что Кучински основывался на мемуарах Тибодо, в которых тот пишет: «В комиссии одиннадцати была монархическая партия. Она состояла из Лесажа из Эр-и-Луара, Буасси д'Англа и Ланжюине. Я не говорю о Дюран-Майяне, чье мнение не принималось в расчет». *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 179. Считает его роялистом и Гранье де Кассаньяк. *Granier de Cassagnac A. Op. cit. Vol. 1. P. 73.*

² *Kuscinski A. Op. cit. P. 402-403; Robinet J.-F.-E. Op. cit. Vol. 2. P. 419; Dictionnaire des parlementaires...* Vol. 4. P. 127.

³ *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 285.* Гранье де Кассаньяк замечает по этому поводу: «Лувэ был жирондистом, иначе говоря, честолюбцем без точных и твердых убеждений». *Granier de Cassagnac A. Op. cit. Vol. 1. P. 73.*

⁴ *Dauban C.A. Paris en 1794 et en 1795. P., 1869. P. 573.*

«Пробуждение народа»¹, Лувэ в ответ зашел «Марсельезу». Избирался председателем Конвента и членом Комитета общественного спасения. Один из немногих членов Комиссии одиннадцати, в верности которого республике не сомневался практически никто². Прекрасно отдавая себе отчет в том, что Конституция не лишена недостатков, делал все, чтобы защитить ее как в прессе, так и в своих речах. «Конституция III года составлена, и это правда, для спокойных времен, но она была и остается единственным убежищем, единственным пристанищем республики в революционных бурях»³, – писал он менее чем через год после ее принятия.

Избранный в Совет пятисот восемью департаментами, он через два года умер, не выдержав, по мнению Кучинского, многочисленных нападков. После его смерти газета *l'Ami des lois* писала: «Республика потеряла одного из своих самых горячих защитников»⁴, а *Journal des hommes* посвятила ему следующие строки: «Лувэ мертв; он умер от чрезмерного труда. Он был одним из первых, кто разоблачил роялистский характер реакции»⁵.

И, наконец, *Антуан-Клэр Тибодо* (1765–1854) – адвокат. В мае 1789 года сопровождал в Версаль своего отца, избранного депутатом от третьего сословия в Генеральные штаты. Уже с первых лет Революции предпочитал общество левых депутатов Учредительного собрания (Бюзо, Ж. Петiona, Робеспьера). Если верить Бодо, в Конвент Тибодо приходил в карманьоле, что делали, помимо него, еще максимум шесть депутатов. «Тибодо, – отмечает тот же автор, – который с первых дней работы Конвента был одет как санкулот, после 9 термидора стал носить албанский костюм; у него были длинные усы, прямые и сальные волосы, пистолеты и кинжал на перевязи; именно в этом полутурецком костюме он приговаривал к

¹ Популярная после Термидора антиякобинская песня. Слова Суригера, музыка Гаво. Подробнее см.: *Тьерсо Ж.* Песни и празднества Французской революции. М., 1933. С. 193–195. О мюскаденах и «Пробуждении народа» см. также: *Baczko B.* Comment sortir de la Terreur. P. 244–247, 288–291.

² *Dictionnaire des parlementaires...* Vol. 4. P. 190–192.

³ *Louvet J.B. J.B. Louvet à ses collègues.* P., s.d. P. 1.

⁴ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 418; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 2. P. 458; *Dorigny M.* Louvet // DHRF. P. 687–688.

⁵ Цит. по: *Tulard J., Fayard J.F., Fierro A.* Op. cit. P. 959.

аресту и затем к смерти Ромма, Субрани и других». Он «был революционером такой закалки, что Камилл Демулен, получивший титул генерального прокурора Фонаря, выправил для Тибодо по всем правилам свидетельство заместителя генерального прокурора Фонаря»; это был «солдат, который стрелял в своих же товарищей»¹.

На процессе короля голосовал за смерть, против отсрочки приговора и апелляции к народу. По мнению Сюратто, «это исключает возможность поместить его, как делали некоторые, среди депутатов Равнины». Однако даже применительно к периоду диктатуры монтаньяров многие историки причисляют его к умеренным, центристам², а один из современников прямо называл его «голосом умеренных»³. «Он сидел на Горе, но отказался вступить в Якобинский клуб, голосовал с большинством, не поднимаясь на трибуну», – пишут авторы «Словаря французских парламентариев». Отметим, что его отец и почти вся семья при Терроре были арестованы и находились в тюрьме.

После 9 термидора участвовал в создании Музея искусств в Лувре, Музея естественной истории. Был председателем Конвента, членом Комитетов общественного спасения и общей безопасности. По мнению некоторых историков, он «стал одним из главарей реакции»⁴, а в своих мемуарах Тибодо вспоминал, что Сийес даже обвинял его в роялизме⁵.

Впоследствии избран 32 департаментами в Совет пятисот. После 18 фрюктидора его имя внесли в список депутатов, исключенных из Законодательного корпуса, однако впоследствии Тибодо был оправдан. Приветствовал переворот 18 брюмера и вскоре стал префектом департамента Жиронда (1800), а затем Буш-дю-Рон (1803), и Государственным советником (1800). Выступал против учреждения Ордена Почетного легиона, заключения Конкордата и провозгла-

¹ Это, безусловно, точка зрения врага, и врага непримиримого, но она, тем не менее, представляется мне весьма показательной. *Baudot M.A.* Op. cit. P. 191, 235, 238, 292.

² *Miquel P.* La Grande Révolution. P., 1988. P. 544; *Brogie G. de.* L'Orléanisme. P., 1981. P. 198.

³ *Hyde de Neuville J.G.* Op. cit. Vol. 1. P. 133.

⁴ См., например: *Legrand R.* La Galerie des Homonymes. Abbeville, 1993. P. 110.

⁵ *Thibaudeau A.C.* Mémoires... P. 179.

шения пожизненного Консульства, что, однако, не помешало ему в 1809 году стать графом Империи и командором Ордена Почетного легиона.

4 декабря 1805 года Тибодо писал своему бывшему коллеге Гупийо де Монтэгю (*Goupillau de Montaigu*): «Мудрец хватается за доску и отдыхает, держась за нее, когда ему не следует плыть по течению. Я не знаю, что осталось во Франции из внутренних свобод, но она может доверить лишь твердой руке заботу об избавлении ее от факций, которые едва не погубили ее. Вот что заставляет меня отложить до лучших времен реализацию тех принципов, за которые мы вместе боролись». Гупийо напишет на обороте этого письма: «И это те самые люди, которые считали меня умеренным во II году!».

Во время Ста дней Тибодо, будучи пэром Франции, произнес пылкую речь против Бурбонов и вынужден был скрываться. Арестован и после тюремного заключения выслан из страны. В 1827-1828 годах опубликовал 5 томов «Истории Наполеона». При Луи-Филиппе вернулся во Францию, однако вновь на политическую арену вышел только при Наполеоне III, который называл его своим «Нестором». В 1852 году стал сенатором. Прожил дольше всех членов Конвента. «Он знал пять королей, две республики и двух императоров», – пишет Сюратто. А Олару в детстве даже довелось его повстречать¹.

Все эти биографические сведения дополняют приведенные ранее цифры, облекая их в «плоть и кровь». Как видим, большинство членов Комиссии одиннадцати не были ни цареубийцами, ни монтаньярами. Численный перевес имела близкая к жирондистам Равнина, по большей части республиканская, хотя не исключено, что несколько депутатов оставались в душе конституционными монархистами. Кроме того, члены Комиссии имели хорошее образование, чаще всего юридическое, многие были адвокатами и членами Института. Большинство создателей Конституции III года до самой смерти не прерывали своей политической карьеры, находя приме-

¹ *Kuscinski A.* Op. cit. P. 374; *Robinet J.-F.-E.* Op. cit. Vol. 2. P. 781; *Dictionnaire des parlementaires...* Vol. 5. P. 396-397; *Suratteau J.-R.* Thibaudeau // DHRF. P. 1033-1035.

нение своим способностям при всех последующих режимах. Весьма показательно, что ордена и титулы при Наполеоне получили даже те из них, кто не одобрял до конца его политику.

По воспоминаниям Ларевельера-Лепо, работа проходила следующим образом. Заседания начинались в 8 часов утра и длились без перерыва до 5 вечера. Ни одного из них не пропустили Боден, Дону, Крезе-Латуш и, естественно, сам автор. Ланжюине и Лесаж были достаточно «усидчивы», другие – куда менее. У всех перечисленных членов Комиссии проявлялось определенное единство взглядов, что делало дискуссии более плодотворными. Обычно при голосовании к ним присоединялся и Лувэ, в то время как с Тибодо существовали достаточно серьезные расхождения.

Что касается Буасси, то он, вспоминая Ларевельер, сыграл скорее отрицательную, нежели положительную роль в работе Комиссии. Появлялся поздно, после полудня, требовал отчет обо всем, что произошло в его отсутствие, настаивал на возобновлении при нем всех дискуссий с самого начала, поскольку он-де не имел возможности высказать свое мнение, призывал членов Комиссии поменьше заседать и почаще бывать в Конвенте, после чего вскоре уходил. Присутствуя на заседаниях, поддерживал самые радикальные предложения, надеясь, что это ускорит крах конституции; одним словом, старался сделать все, чтобы не допустить ее принятия. Однако Комиссия выбрала докладчиком именно его, надеясь, что это завоюет проекту голоса роялистов, у которых Буасси пользовался большим уважением.

Дюран-Майян, по мнению Ларевельера, боялся народного восстания при известии о том, что конституция, которую он называл «конституцией Сент-Антуанского предместья», будет пересмотрена и умолял отказаться от столь безрассудного мероприятия. Что же касается Берлье, то отношение к нему мемуариста слишком явно отрицательное, чтобы хоть сколько-нибудь претендовать на объективность (особенно ему ненавистен лексикон Берлье, который, впрочем, насколько можно понять, являлся точным слепком с лексикона якобинцев)¹.

¹ *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. Vol. 1. P. 230 et suiv.*

Тибодо более подробно рассказывает о тех положениях проекта, которые вызывали наибольшие дискуссии. Если верить его воспоминаниям, споры вызывало практически то же самое, вокруг чего впоследствии разгорелась борьба между всеми депутатами: Декларация прав и ее необходимость, политические права граждан, организация исполнительной и законодательной властей. Тибодо также дает краткие сведения о раскладе голосов внутри Комиссии по тем или иным проблемам¹.

Многих волнует и еще один вопрос: кто же был настоящим творцом конституции, однако у меня существуют серьезные сомнения, что на него когда-либо можно будет ответить более или менее определенно. Нет уверенности и у других историков: большинство приписывает эту честь Дону², хотя, скажем, П. Бастид, уверен, что ее с ним должен разделить и Ларевельер-Лепо³. Некоторые добавляют к ним еще и Буасси⁴, а П. Бессан-Массене кроме этого приписывает Дону авторство зачитанного Боденом программного доклада «О способах закончить революцию»⁵.

Существуют и исследователи, считающие главным создателем Конституции Буасси д'Англа. Так, например, Ле Бозек уверена, что Ларевельер в своих мемуарах намеренно принизил роль Буасси в выработке проекта Конституции, и отмечает сходство текста 1795 года с разработками Буасси в 1793 году, а также с программой, изложенной в его речи от 21 вантоза III года (11 марта 1795 года)⁶. Однако даже беглого взгляда на проект Буасси образца 1793 года

¹ *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 180-184.

² *Cahen L., Guyot R. L'œuvre législative de la Révolution. P., 1913. P. 110; Tulard J., Fayard J.F., Fierro A. Op. cit. P. 195; Aulard A. La Constitution de l'an III...* P. 122; *Madelin L. Op. cit. Vol. 4. P. 244; Meister H. Op. cit. P. 226; Lyons M. Op. cit. P. 18, 122.*

³ *Bastid P. Op. cit. P. 170.*

⁴ *Guibert-Sledziewski E. Daunou et la question des garanties individuelles // Les droits de l'homme et la conquête des libertés. Actes du colloque de Grenoble-Vizille. Grenoble, 1988. P. 152; Soria G. Grandes histoire de la Révolution française. P, 1988. Vol. 3. P. 1351; Cobban A. A History of Modern France. Vol. 1. Harmondsworth, 1963. P. 250.*

⁵ *Bessand-Massenet P. La France après la Terreur. 1795-1799. P., 1946. P. 65.*

⁶ См., например: *Le Bozec C. Boissy d'Anglas et la Constitution de l'an III // 1795. Pour une République sans Révolution. P. 82 et suiv.*

достаточно, чтобы увидеть, сколь мало общего он имеет с проектом Комиссии одиннадцати: однопалатный Законодательный корпус, избираемый напрямую первичными собраниями и утверждающий законы; исполнительная власть, состоящая из национального Исполнительного совета (15 человек) и генерального секретаря, избираемых выборщиками; созыв раз в 20 лет Конвента. Целью «любого собрания людей» провозглашалось «сохранение и гарантирование их естественных прав»¹, тогда как в Декларации прав 1795 года они играли настолько незначительную роль, что даже не вошли в окончательный текст Конституции².

В то же время, и у Дону есть проект, относящийся к 1793 году. Среди прочего, он предусматривал утверждение законов народом, 25 членов исполнительной власти, однопалатный Законодательный корпус, избрание Законодательным корпусом Исполнительного Совета, отсутствие ценза при выборах. Практически, единственное, что роднит эти материалы с созданными им в 1795 году – это отсутствие права на восстание³.

Анализ текстов позволяет заметить, что оба они – и проект Дону, и проект Буасси д'Англа – в большинстве своем написаны в русле Конституции 1793 года, а отнюдь не 1795 года. При этом, естественно, имеются и некоторые отличия, подчас достаточно существенные, но налицо и не менее значительная двухлетняя эволюция – если не взглядов, то, по крайней мере, предложений.

С другой стороны, в архивах Буасси до сих пор, насколько мне известно, не обнаружены никакие материалы, доказывающие, что он действительно работал над проектом конституции в 1795 году. В то же время достаточно посмотреть фонд Сийеса, чтобы увидеть, какое количество черновиков и набросков понадобилось ему, чтобы

¹ *Boissy d'Anglas F.A. Projet de constitution pour la République française // Archives parlementaires de 1789 à 1860. P., 1902. Vol. LXII. P. 287 et suiv.*

² Чтобы лучше увидеть сходство проектов, отмечает Ле Бозек, стоит принять во внимание, что текст 1793 года писался в определенных политических условиях, а следовательно необходимо «внимательно, с недоверием и осторожностью читать то, что сказано в нем между строк» (*Le Bozec C. An III: créer, inventer, réinventer le pouvoir exécutif // ANRF. 2003. № 332. P. 77*). Рискну оставить это утверждение без комментариев.

³ *Daunou P C.F. Essai sur la constitution. P., 1793.*

выстроить свою систему. Имеются такие черновики и у Дону. К сожалению, материалы серии С 232, в которой, если верить описям, должны храниться наброски Дону, достаточно плохо систематизированы, и я не рискнул бы без квалифицированного графологического исследования приписать ему те или иные документы. Однако существуют и другие фонды того же депутата, в частности, фонд 21891 в отделе рукописей Национальной библиотеки. Хранимые в нем бумаги весьма фрагментарны, однако, несомненно, являются подготовительными материалами к Конституции III года. В свете дискуссии в Конвенте, речь о которой пойдет в следующей главе, может быть небезынтересно привести здесь две цитаты.

В одной из них речь пойдет о Декларации прав, вызвавшей огромное количество споров при обсуждении. «Цель декларации прав, – писал Дону, – установить общие принципы социума. Это собрание максим, которые законодатель напоминает себе и от которых он обещает себе не отдаляться в ходе своих работ». Взгляд весьма нестандартный, что, впрочем, не помешало ему, в измененном виде, войти в ст. 1 Декларации обязанностей. Кстати, сам проект Декларации, принадлежащий перу Дону, называется весьма характерно: «Декларация прав человека в обществе»¹.

Вторая цитата касается полномочий собраний выборщиков (эту же точку зрения Дону будет отстаивать и в ходе дискуссии): «Собрания выборщиков по-настоящему представительны (*sont de vrais corps représentatifs*); они обладают во всей полноте и без ограничений 3 основными чертами представительства: не быть связанным никаким предварительным мандатом, не нуждаться ни в какой последующей ратификации своих решений и не нести никакой ответственности»². Таким образом, с точки зрения Дону, собрание выборщиков практически обладает всей полнотой народного суверенитета, как собрание представителей народа.

Далее, может быть небезынтересно посмотреть на роль каждого члена Комиссии в дискуссии (выступления по проекту собственно конституции и декретам о двух третях посчитаны мной отдельно).

¹ La Bibliothèque National de France, Mss. 21891. Doc. 3, 5.

² Ibid. Doc. 56.

Напомню, что Дюран-Майян так ни разу и не принял участие в дебатах.

	Конституция	Декреты	Итого
Дону	84	2	86
Ланжюине	48	2	50
Крезе-Латуш	20	–	20
Буасси д'Англа	15	–	15
Ларевельер-Лепо	13	2	15
Тибодо	13	2	15
Берлье	8	–	8
Боден	1	7	8
Лувэ	–	5	5
Лесаж	1	–	1

Очевидно, что в списке лидируют те, кого многочисленные историки и современники называют авторами Конституции (за исключением, разве что, Крезе-Латуша). И на первом месте, разумеется, Дону.

Обратимся теперь к иным материалам, доступным нам помимо протоколов Конвента. Ознакомившись в Национальном архиве с бумагами Комиссии, Олар отмечает, что они состоят лишь из проектов, полученных ею, и из нескольких черновиков ее работы над конституцией с исправлениями и пометками Дону. Там совсем нет ни записей, ни следов ее заседаний¹. В то же время Брюнель и Рево д'Аллоне подчеркивают, обратившись к тем же документам: само то, что Комиссия пользовалась различными планами конституции, «в высшей степени революционный поступок». Анализ их содержания, по мнению этих же авторов, обнаруживает подъем либеральной идеологии, выражавшейся как в конкретных предложениях (президентство, двухпалатная система, система выборов), так и в системе ценностей, которая их объединяла².

Надо сказать, что приведенных в мемуарах сведений о работе Комиссии, к сожалению, не достаточно, чтобы делать какие бы то ни было выводы. Поскольку протоколы заседаний действительно

¹ Aulard A. La Constitution de l'an III... P. 119.

² Brunel F., Revault d'Allones M. Op. cit. P. 106.

отсутствуют, то восстановить их точный ход историкам вряд ли удастся (если только не предположить, что бумаги такого рода станут когда-либо доступны). Из выступлений в Конвенте можно лишь заключить, что, как правило, члены Комиссии участвовали в дискуссии достаточно слаженно, поддерживали друг друга, хотя иногда, при обсуждении особенно острых проблем, и позволяли себе высказать мнение, отличное от коллективного¹. Кроме того, например, Лувэ опубликовал в своем *La Sentinelle*² проекты, совершенно не совпадающие с официальными и в то же время никем не подписанные, что заставляет заподозрить его собственное авторство.

Однако попытаемся собрать воедино хотя бы те крупицы информации, которые дают в наше распоряжение архивы.

Прежде всего отметим, что по многим вопросам внутри Комиссии наблюдались разногласия. Не было единого мнения по поводу обновления Советов (каждые два года наполовину³ или каждый год наполовину)⁴; одним из членов Комиссии вначале предполагался однопалатный Законодательный корпус, а потом, когда в проекте все же появились две палаты, то верхняя называлась Сенатом, а нижняя Директорией⁵. Далеко не во всех проектах указано, как можно было бы того ожидать, количество членов исполнительной власти⁶.

Помимо этого, ценность архивных материалов заключается в том, что они позволяют сделать некоторые наблюдения о работе Комиссии. Во-первых, по документам мы видим, что в ней были и председатель, и секретари; к примеру, в флореале председательствовал Лесаж, тогда как секретарями стали Дону и Берлье⁷. Во-вторых, известно, что по крайней мере на часть проектов Комиссия

¹ Так, например, Тибодо неожиданно начал обсуждение проблем градации функций с большой речи, в которой достаточно резко и подробно высказал свое несогласие с проектом Комиссии (*Moniteur*. № 309. P. 1245-1246). Затем к нему присоединился и Дюбуа-Крансе.

² *La Sentinelle*. 14 thermidor (1.08.95.). № XXXIX. P. 114.

³ A.N., C 232, d.183 bis * 15A. Doc. 7; *Ibid.*, d.183 bis * 15B. Doc. 32, 33.

⁴ A.N., C 232, d.183 bis * 15C. Doc. 65, 66; *Ibid.*, d.183 bis * 15D. Doc. 90.

⁵ A.N., C 232, d.183 bis * 15C. Doc. 65.

⁶ A.N., C 232, d.183 bis * 15B. Doc. 34, 35, 36; *Ibid.*, d.183 bis * 16. Doc. 10-13.

⁷ A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 126. P. viii-ix.

отвечала¹, а некоторые, по неизвестным мне причинам, даже возвращала авторам². В то же время есть и письма с жалобами, что проекты остались без ответов³.

По переписке достаточно трудно сказать что-либо определенное о личном вкладе каждого из членов Комиссии в ее работу. Если не считать проекты, созданные в недрах Комиссии⁴, встречается всего несколько писем, в которых упоминаются имена кого-либо из депутатов. Так, есть только три письма, адресованные лично Ланжюине⁵, два – Буасси⁶, по одному – Берлье⁷ и Лувэ⁸; одно послание, сообщающее о получении ответа, подписанного Крезе-Латушем⁹, одно – Лесажем¹⁰ и одно с автографом Бодена: «Гражданин, написавший этот проект, может быть уверен, что его прочитали»¹¹.

Помимо этого, нельзя не обратить внимание на несколько весьма странных документов. Так, например, жители коммуны Сан (Йонна) попросили Лувэ узнать, сколько должно быть туров голосования. Он переадресует это письмо в Комитет по законодательству, а оттуда его пересылают... в Комиссию одиннадцати¹².

¹ См., например: A.N., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 17.

² См., например: A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 32; Ibid., d.183 bis * 11/2. Doc. 66.

³ См., например: A.N., C 227, d.183 bis * 3/2. Doc. 68; Ibid., C 228, d.183 bis * 4/1. Doc. 11.

⁴ Здесь та же ситуация, о которой говорилось выше касательно Дону. Авторство не определено и, вероятно, потребует проведения графологической экспертизы или, как минимум, детального знакомства с почерками членов Комиссии. Хочется отметить, что эти документы могли бы дать крайне интересную информацию по персоналиям, поскольку содержат множество вариантов большинства глав конституции с различными поправками.

⁵ A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 20, 26; Ibid., d.183 bis * 13. Doc. 8.

⁶ В одном из них, в частности, говорится: «Ваш патриотизм, ваша просвященность вызывают мое доверие». A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 7. См. также: A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 28.

⁷ A.N., C 232, d.183 bis * 13. Doc. 11.

⁸ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 68.

⁹ A.N., C 231, d.183 bis * 11/2. Doc. 48.

¹⁰ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 81.

¹¹ A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 117. Правда, не совсем понятно, где должен был гражданин увидеть эту резолюцию, если бумага осталась в архивах Комиссии.

¹² A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 40.

Смысл этих перемещений мне, признаться, не совсем ясен. Другой документ визирует, отправляя в Комиссию, Боден, в то время председатель Конвента¹. Видимо, существовали некоторые правила работы бюрократической машины, которые нельзя было обойти.

Направляли в Комиссию письма своих избирателей и другие депутаты², а также многие комитеты Конвента: общественного спасения, общей безопасности, по законодательству, по декретам и т.д. Между получением письма (оно, как правило, регистрировалось) и перенаправлением его в Комиссию могло пройти значительное время. Также трудно сказать, за сколько дней, хотя бы в среднем, доходило до Парижа отправленное из провинции письмо. На некоторых даты написания и получения практически совпадают; в качестве обратного примера можно привести письмо, датированное 12 флореаля (1 мая), пришедшее в Конвент 23 прериала (11 июня) и попавшее в Комиссию 8 мессидора (26 июня)³. Кроме того, в Комиссию поступали и материалы, отпечатанные в типографиях. Среди них «Анекдоты и размышления о Конституции» Бодена, мнения депутатов Одуэна, Пеле, Ф.М. Пултье и Дебри⁴.

Что же касается самой обширной переписки Комиссии, то, прежде чем использовать ее в последующих разделах книги, хотелось бы отметить несколько ее характерных черт. В первую очередь, создается впечатление, что авторы многих проектов искренне верят, что им наконец-то представилась возможность послужить Родине, высказать свое мнение, которое, без сомнения, будет услышано и принято к сведению; поделиться своим опытом, который многим кажется уникальным. Показателен в этом отношении проект отца известного жирондиста Петиона, в самом начале которого тот пишет: «Мне семьдесят лет, времена иллюзий прошли; я одной ногой в могиле. Я глух и, соответственно, не могу претендовать ни на какую должность. У меня нет собственности. Я хочу жить лишь для того, чтобы видеть, дорогой народ, твой суверенитет непоколебимым и

¹ A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 103.

² См., например, письмо с визой депутатов Ж.Ф. Бисси (*Bissy*) и Р.Ф. Лежёна (*Lejeune*). A.N., C 231, d.183 bis * 11/2. Doc. 59.

³ A.N., C 228, d.183 bis * 5/1. Doc. 7.

⁴ A.N., C 232, d.183 bis * 18. Doc. 1.

твое счастье неизменным»¹. «Я ничего у вас не прошу, я ни на что не претендую, я ничего не хочу», – вторит ему другой автор, которому, по его словам, 72 года².

В то же время корреспонденты проявляют и совершенно неоправданное тщеславие. Так, один из них высказывает радость по поводу того, что Комиссия использовала большинство его идей, содержащихся в двух опубликованных речах три года назад³. Другой уверен: «комиссия не может разойтись, [...] не изучив то, что я сказал по поводу конституции», и обещает прислать свои разработки по всем мыслимым и немыслимым проблемам. Недоволен он только одним: в ответе Комиссии сказано лишь, что его предыдущее творение прочитали. А что делать дальше? Ему не на что жить и, если бы не ощущал себя полезным, давно бы уже умер⁴.

Как стиль, так и размер проектов различен – от записки в несколько строк до брошюры в сто с лишним страниц. Наряду с конкретными вопросами и четко сформулированными предложениями, Комиссии приходилось получать и длинные псевдофилософские экскурсы⁵, говорившие лишь о желании автора хотя бы с кем-нибудь поделиться своими размышлениями.

Тематика переписки затрагивает едва ли не весь спектр конституционных и околоконституционных проблем. Ряд писем касается «географических» вопросов, связанных с конституцией лишь постольку, поскольку в ней предполагался раздел о территориальном делении страны. Разнообразие их неистощимо: коммуна то хочет поменять кантон⁶, то перейти под юрисдикцию другого

¹ *Petion J.* Projet de la déclaration des droits de l'homme et du citoyen; et d'une constitution républicaine démocratique. Présenté au Peuple Français par Jérôme Petion père, Homme de loi. Chartres, s.d. P. 2. «Петион – отец несчастного Петиона», – представляется он в другом письме. A.N., C 227, d.183 bis * 3/3. Doc. 93.

² A.N., C 228, d.183 bis * 4/3. Doc. 100.

³ A.N., C 229, d.183 bis * 6/1. Doc. 11.

⁴ A.N., C 228, d.183 bis * 4/2. Doc. 49.

⁵ 55 страниц убогим почерком. *Grunwald Frederic-Emanuel.* Des Principes de l'Association aperçu. Bellevaux, 1793. Рукопись // A.N., C 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 62.

⁶ A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 17.

департамент¹, граждане то мечтают иметь в своем городе суд по гражданским делам², напоминая о своих былых заслугах времен еще 31 мая 1793 года³, то просят перенести к себе часть администрации, приводя множество аргументов, включая плодородие почвы⁴. Особенно настойчива в этом плане коммуна Памье (Аррьеж). Ее Генеральный совет изо дня в день требовал, чтобы собрания выборщиков были созваны именно в их городе⁵, засыпая Конвент просьбами, протоколами, историческими выкладками, рассказами о своих необычайных достоинствах⁶.

Однако все эти документы хранятся в досье самой Комиссии одиннадцати. Знакомилась ли она с какими-либо другими проектами? Привлекала ли к работе кого-то со стороны?

В мемуарах бывшего депутата Законодательного собрания В.М. Воблана я обнаружил следующие строки: «Боден из Арденн, его⁷ председатель, написал мне от его имени, приглашая меня проявить себя в его работе, присоединив несколько моих друзей к его членам. Я ответил, что не могу принять столь почетное предложение, поскольку уверен, что комитет не осмелится предложить вещи, которые мне кажутся необходимыми»⁸. Поначалу я отнесся к

¹ Les maire & officiers municipaux de la Commune d'Aire (département du Pas-de-Calais). A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 7, 8; Les Administrations du directoire du District de Felletin, département de la Creuse. Ibid., d.183 bis * 10/2. Doc. 70.

² Les Citoyens de la Commune de Tartas, département des Landes. A.N., C 231, d.183 bis * 11/3. Doc. 102; L'administration du District de Delémont, département du Mont-Terrible. Ibid., d.183 bis * 10/2. Doc. 77-78.

³ Adresse présentée à la Convention Nationale par les habitants de Mont-Brison, département de la Loire. Imprimé. A.N., C 231, d.183 bis * 11/1. Doc. 33. P. 3.

⁴ Письмо членов дистрикта Лангр (*Langres*), департамент Верхняя Марна. A.N., C 232, d.183 bis * 12. Doc. 23.

⁵ A.N., C 231, d.183 bis * 10/1. Doc. 5; Ibid., d.183 bis * 10/3. Doc. 148; Ibid., d.183 bis * 11/2. Doc. 72.

⁶ О роли государственных учреждений для провинциальных городов см.: *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1994. Т. 1. С. 154 и след.

⁷ Воблан называет Комиссию одиннадцати комитетом.

⁸ *Vaublanc V.M.* Mémoires sur la Révolution de France et recherches sur les causes qui ont amené la Révolution de 1789 et celles qui l'ont suivie. P., 1833. Vol. 2. P. 366-367. Речь идет о содержавшихся в проектах Воблана двух палатах и едином главе государства, которые он толкует в своих мемуарах, как борбу за восстановление монархии. Ibid. P. 365.

этому свидетельству без особого доверия. Однако впоследствии в архиве Сийеса был обнаружен следующий документ:

«3 термидора III года Ф.Р.

Гражданин Коллега, Комиссия одиннадцати потребовала этим утром отсрочить до завтра дискуссию об организации исполнительной власти, стоящую в повестке дня. Мне поручили пригласить вас от ее имени на совещание, назначенное на сегодня на семь вечера, на которое также приглашены гр.[аждане] Редерер, Дюпон де Немур и Воблан. Единственная цель сегодняшнего совещания – пересмотреть проект относительно исполнительной власти, не отступая от однозначно принятого принципа не доверять ее одному лицу под каким бы то ни было названием. Я искал вас на заседании, но у меня не получилось вас встретить, и если бы мне удалось быстро узнать ваш адрес, я бы сам вам доставил пожелания Комиссии и мои собственные.

Привет и братство

П.С.Л. Боден»¹

Таким образом, по крайней мере Сийес, Воблан, Дюпон де Немур и Редерер² на заседания Комиссии приглашались³. Соответственно, можно допустить, что хотя бы некоторые члены Комиссии были знакомы с проектами упомянутых публицистов.

Обсуждение этой темы выводит нас и на более широкую проблему. В какой мере было знакомо с различными проектами общественное мнение, ссылаются ли одни авторы на других?

Если судить по доступным мне источникам, едва ли не самым известным был проект уже упоминавшегося выше Воблана, который был представлен Конвенту депутатом Ж.Б. Брессоном⁴. «Вы читали

¹ A.N., 284 AP 9. Doss. 5.

² Ср. у Тибодо: «Многие публицисты приносили свои идеи и свои проекты. Из этой толпы выделяли Редерера и приглашали его присутствовать на заседаниях». *Thibaudeau A.C. Mémoires...* P. 180.

³ Очевидно, что какие-то переговоры с Сийесом велись и по поводу его проекта конституционного суда, речь о котором пойдет ниже. Подтверждение этому можно найти, например, в выступлении Дону 9 термидора (27 июля). *Moniteur*. N° 315. P. 1269.

⁴ Воблан в мемуарах пишет об этом прямо (*Vaublanc V.M. Op. cit. Vol. 2. P. 365*), однако, видимо, в то время это не было широко известно: один из памфлетов представляет это только как слух. *Alcoran républicain, ou institutions fondamentales du Gouvernement Populaire ou légitime. Generalif, III. P. 1.*

Воблана? – пишут *Annales de la République française*. – Таков вопрос, который задается вот уже несколько дней. На прогулках, на спектаклях, в кафе, повсюду»¹. Автор одного из писем в Комиссию не сомневается даже, что Конвент примет этот проект в качестве официального², а другой корреспондент подробнейшим образом пересказывает его с полным одобрением³.

В архивах Сийеса сохранилось множество писем с одобрением его проекта конституционного суда. Среди их авторов Ламар, Дюпон де Немур, Н.Л. Франсуа де Невшато⁴ (кстати, на размышления последнего ссылаются и в переписке Комиссии одиннадцати⁵), которые активно общались между собой. В то же время, в архиве Редерера сохранилась его переписка с Лезей-Марнезия, посвященная обсуждению Конституции III года; характерно, что если 10 августа 1795 года (дата первого письма) они еще не знакомы, то 19 октября Лезей обращается к Редереру «мой дорогой друг»⁶.

Завершу этот рассказ о работе Комиссии тем, что ее представителям постоянно приходилось отчитываться перед Конвентом о ходе работы. Прериаль заставил даже декретировать дату ее окончания⁷. Однако 19 прериала (7 июня) Буасси от имени Комиссии снова требует предоставления отсрочки, объясняя это объемом работы и ее важностью. Народное выступление уже позади и Конвент без дискуссий вотирует отсрочку⁸.

Наконец, к 5 мессидора (23 июня) работа была закончена и Буасси д'Англа произнес свою знаменитую речь, в которой представил и обосновал основные положения проекта Комиссии.

¹ *Annales de la République française*. 5 messidor (23.06.95.). № 271. P. 1.

² A.N., C 228, d.183 bis * 5/3. Doc. 90.

³ A.N., C 230, d.183 bis * 9/3. Doc. 128.

⁴ A.N., 284 AP 9. Doss. 5. Николая Луи Франсуа де Невшато (1750–1828) – известный литератор, член многих провинциальных академий. Избирался заместителем депутата Генеральных штатов, депутатом Законодательного собрания и Конвента (отказался по состоянию здоровья). При диктатуре монтаньяров арестован, почти год провел в тюрьме.

⁵ A.N., C 229, d.183 bis * 6/2. Doc. 64.

⁶ A.N., 29 AP 11.

⁷ *Moniteur*. № 248. P. 1000.

⁸ *Moniteur*. № 262. P. 1058.

Проект Конституции прошел в Конвенте два чтения. Первое длилось с 16 мессидора (4 июля) по 25 термидора (12 августа)¹, второе – с 25 до 30 термидора (12-17 августа). Конвент утвердил проект 5 фрюктидора (22 августа), первичные собрания собрались 20 фрюктидора (6 сентября), а 1 вандемьера (23 сентября) об одобрении Конституции народом было торжественно объявлено с трибуны Конвента. Однако до этого проект Конституции необходимо было подробно обсудить. К чему в начале июля 1795 года депутаты и приступили.

¹ Любопытно в этом отношении письмо матери Бодену (хранящееся в его личном архиве), которая удивляется, как можно за 3 недели написать Конституцию, когда столько всего нужно сделать, революция столько перевернула. Anne-Alexandre Baudin (1717-1797) à P.-C.-L. Baudin. Sedan, 3 juin 1795 // A.N., 172 AP 1. Doc. 9.